

**ЖИЗНЬ
НЕ ТАК
КОРОТКА**

**АЛЕКСЕЙ
СЕРОВ**

Честная проза

Алексей Серов

Жизнь не так коротка (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серов А.

Жизнь не так коротка (сборник) / А. Серов — «Эксмо»,
2017 — (Честная проза)

ISBN 978-5-699-99007-8

Алексей Серов пишет о тех, кого когда-то называли «человек труда». Его рассказы – словно безупречно срежиссированное кино, снятое о жизни вокруг нас. Кажется, с героями не происходит ничего необычного, пейзаж знаком и коллизии не новы, – но безупречно выстроенный текст ведет за собой, заставляет сопереживать, волноваться, радоваться внезапным поворотам сюжета... И вновь утвердиться в величии русских людей.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99007-8

© Серов А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Хозяин	6
Месть женщины	14
Упертый	28
Обратная тяга	31
Волосы	38
Совершенство	44
Злоба ночи	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Серов

Жизнь не так коротка (сборник)

© Серов А., 2017

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2017

Хозяин Рассказ

В России имя Николай особенно популярно. Кажется, половину мужиков зовут так – хотя бы по отчеству. Посмотри в лицо любому славянину, прикинь, как могут его звать. И первое, что приходит в голову, – Николай, Коля. Приглядевшись повнимательнее, решишь: нет, наверное, Дмитрий. Или Алексей. А потом выяснится, что действительно, Коля. И дни Николы зимнего и летнего в народе считаются настоящими праздниками.

Колька Мологин работает на заводе давно. Почти всю жизнь, если не считать детского сада и восьми классов школы. Теперь ему уж за пятьдесят, голова седая, а он по-прежнему трудится в том же цеху, на том же прессе, что и в первый день. Он не хочет, чтобы что-то вокруг менялось, ведь люди предпочитают жить одинаково, пока это их хоть немного устраивает. Если какой-то мужик вдруг увольняется, найдя место, где платят больше или лучше условия, Колька считает это почти предательством. Он вычеркивает такого человека из списка своих знакомых.

Перестройка и последующие реформы никак не отразились на его трудовом расписке. Он приходит в цех часом раньше остальных, переодевается, медленно движется по центральному проходу, оглядывая все вокруг. Его тяжелый профиль механически поворачивается из стороны в сторону. Отвесный лоб, прямой нос дают впечатление какого-то мощного волжского утеса, возможно, того самого, на который забирался Стенька Разин. Зато сразу под носом следует провал, нижняя челюсть у Кольки втянута слишком внутрь, и мужики посмеиваются над ним, не понимая, как же он ест – пища обязательно должна вываливаться обратно в тарелку или на живот. За такой необычный профиль Мологин получил на заводе прозвище Колун.

Станки, выпущенные в первой половине двадцатого века, тяжелыми молчаливыми громадами теснятся вокруг. Пахнет машинным маслом, сигаретным пеплом, горелой ветошью. Иногда в толстую подошву кирзового сапога втыкается красивая радужная стружка. Где-то тихо шипит сжатый воздух, впрочем, этого Колька не слышит, ибо от рождения глух, как добросовестный пионер в лагерной столовой. А вот говорить его научили в специнтернате.

Семьи у него нет, как-то не сложилось. Квартира Кольки, полученная в давние советские времена, стояла почти пустой, он не знал, чем можно ее заполнить, и не очень-то любил сидеть там вечерами. Он даже и в отпуск толком не ходил. Каждый раз задолго начинал объяснять мужикам: вот, дескать, наконец-то отдохну как следует, надоело все, устал как собака. Но уже через неделю безделья робко проникал на завод и приступал к своим обязанностям. По углам квартиры громоздились кипы старых газет – Колун интересовался политикой, много читал и имел свои рецепты решения мировых проблем, только никому не мог толком рассказать о них.

Иногда он вовсе не уходил с завода, спал на бушлатах, удобно сложенных на трубах парового отопления; здесь ему было хорошо, и не мешали даже крысы, деловито шмыгавшие через него по ночам.

В полутьме огромного помещения, где через полчаса все начнет греметь, сверкать и двигаться, было тепло, уютно.

Колька проверял, все ли находится на своих местах, все ли в порядке. Ничто не укрывалось от его внимания. Он заглядывал даже в мусорные ведра, укоризненно покачивал головой, если видел, что уборщица тетя Галя поленилась вчера вынести их, брал и выносил сам.

Он открывал окна и включал вентиляцию, чтобы проветрить цех к приходу людей. Передвигал кран-балкой какие-то ящики, если ему казалось, что они мешают или просто стоят не так. Нужно что-то погрузить-разгрузить, съездить на склад – он тут как тут. Все *это* ему никто не поручал, ему не платили лишних денег, а занимался он *этим* просто потому, что никто другой, как он думал, не сделал бы *этого* наилучшим образом.

В его постоянно нестриженной голове с торчащими во все стороны вихрами сидела крамольная мысль, что именно он, Николай Мологин, является хозяином этого завода. Он, а не тот красивый, сытый мужичок, который сидит в кабинете на третьем этаже и заключает контракты, между делом пользуясь часто меняющихся секретарш. Тот – хозяин у себя в кабинете, а здесь, в цеху, ответственность за предприятие несет Николай. Потому-то и считал он своим долгом постоянно делать обходы, ревизии.

Любил посреди рабочего дня подойти, например, к какому-нибудь токарю, заложить руки за спину и долго-долго внимательно наблюдать, как тот трудится. Токарь в конце концов не выдерживал, начинал ругаться, гнать Мологина ко всем чертям, но Николай уходил степенно, как человек, решающий некий сложный вопрос, касающийся дальнейшей судьбы токаря, и уже почти решивший его. А ругательства его не трогали, да и не слышал он их.

Или он вылавливал идущего с обеда директора, мягко брал за руку и вел показать отвалившийся от стены кусок штукатурки, при этом много жестикулировал и быстро-быстро говорил на своем странном языке. Язык этот представлял собою полувнятное лопотанье, где особо выделялись гласные, а согласные почти все сливались в один общий, приблизительный звук. Директор кивал головою, подтверждая, что имеет место непорядок.

– Пора бы вообще полностью оштукатурить да покрасить, как думаешь, Коля?

Мологин радостно кивал и пулеметно выстреливал очередную малоразборчивую фразу, общий смысл которой хоть и с трудом, но угадывался – давно пора, мол, чего же вы?..

– Решено, будем заниматься.

Директор был человек славный, в меру демократ, знал по именам всех рабочих, был хорошо осведомлен и о странностях этого Мологина, но считал, что свой юродивый нужен в любой конторе, работа дураков любит, да и польза от Николая была несомненная, так что пусть его.

Директор не пропускал плывущие в руки деньги, мечтал оставить своим детям в наследство процветающий заводик. У него уже почти был контрольный пакет, оставалось совсем немного до идеала.

Но тут пришли более крутые ребята с деньгами и все купили. Через два месяца собрание акционеров избрало в директора другого человека, а прежний от стыда и досады уволился, хотя ему и предлагали какую-то почетную синекуру. Вот такие мексиканские страсти. Еще сегодня ты велик и силен, назавтра о тебе уже никто не вспоминает.

Изменения в руководстве почти никак не коснулись рабочих. Прежнего директора проводили кто добрым, кто каким словом. И зажили вроде бы по-новому.

Очередной любимый руководитель был человек молодой, но быстро шагающий вверх по карьерной лестнице. Он был уже из совсем другого поколения управленцев и гордо заявлял: я всего лишь менеджер. Да, менеджер, но высокого класса. Могу работать где угодно, хоть здесь, хоть на Чукотке, хоть в Америке. И этот ваш завод для меня вовсе не земля родная, а только очередная ступень наверх... У него были мягкие молодые усики, заботливо выращенные для солидности, словно укроп в теплице. Директор часто расчесывал их специальной щеточкой.

Усатые люди (у которых усики мягкие, нежные, кошачьи) часто бывают глупы какой-то особой, нутряной глупостью, почти не проявляющейся внешне. Такой человек может быть даже очень успешен в работе, в карьере и проч., но если бы кто заглянул в потемки его души, то увидел бы, что там этот мягонький усач – дурак дураком... Вот и этот был из их числа.

Первым делом он повесил у себя в кабинете на стену самурайский меч и несколько рисунков в восточном стиле. Все сразу поняли: он шутить не будет. Нет, этот дурак не просто так, этот идейный. А значит, дело плохо.

Директор возвел громаде планов. Предприятие следовало обновить во всех смыслах: оборудование, станки, компьютеры, между прочим – и коллектив. Уволить нерадивых, сократить ненужных, а хорошим и нужным платить за счет уволенных больше. Провести общую ревизию... подсчитать, сколько чего еще не успели растащить... и так далее.

Где взять деньги на новые станки, он не пояснил. Видимо, собирался взять большой кредит или изыскать внутренние резервы – продать кое-какие помещения, например. Все это было, конечно, хорошо в теории, но на практике почти невыполнимо, в чем вскоре новый директор и убедился лично.

Коллектив, на словах дружно голосующий за все новые принимаемые решения, отчаянно сопротивлялся переменам. Каждый знал: если начать выбрасывать подряд все старье, то через месяц оборудование окажется нечем ремонтировать, станки встанут, а завод ляжет, и денег не будет. Все это знали, кроме директора. Выбрасывали с удовольствием мусор, хлам, опять же красили, чистили, штукатурили – это было не лишнее, вот и пусть. В остальном реформы почти намертво застряли.

Директор уволил всех, кто перешагнул пенсионный порог, это было процента три от общего количества работающих. Естественно, никакого прибавления в зарплате остальные не почувствовали, да никто на самом деле и не собирался ничего прибавлять. Народ слегка возмутился – впрочем, даже с пониманием и саркастическими шутками. Такого поведения ждали.

Это было на руку начальству, особо недовольных тоже стали увольнять. Началась политическая чистка, охота за ведьмами.

Как раз на это тяжелое время пришлось круглая дата: десятилетие фирмы. Решили отпраздновать событие в одном из больших концертных залов города, пригласили артистов, музыкантов... У директора возникла мысль как-то примирить с помощью этого концерта взбудораженных людей, слиться с ними в экстазе если не братского, то хотя бы дружеского единения. Десяти лучшим работникам были назначены премии, еще десяти – ценные призы. Имена счастливчиков должны были выясниться на концерте, прямо в зале.

И вот пришел великий день. Концерт был действительно хорош. Его почти не испортили выступления главного инженера, бухгалтера и других функционеров. Один из новых замов директора под гитару пел песни Высоцкого. Самодеятельный поэт из рабочих читал праздничные поздравительные стихи, ужасные, полные лести. Звучала музыка, мелькали цветные огни. Атмосфера сочилась теплой карамелью.

Наконец пришло время раздачи призов. Зал притих в ожидании. Каждый надеялся, что ему что-нибудь да перепадет.

Директор не отказал себе в удовольствии вручать призы лично. Он называл имя по бумажке, вызывал человека на сцену и выдавал деньги в конверте или документы на какую-нибудь бытовую технику – чаще всего кофеварки или магнитолы.

Где-то в середине раздачи в зале поднялся недоуменный ропот. Подряд все призы доставались обитателям второго этажа, то есть заводууправления, и только в конце были названы трое простых рабочих «снизу». В конце концов ропот был услышан и на сцене. Директор, не понимавший, в чем, собственно, дело (а разве не так должно быть? при чем здесь рабочие? они должны работать и молчать! молчать и работать!!), успокоительно подвигал в воздухе ладонями, словно совершая некие магические пассы.

Зал притих, думая, что это еще не все. И директор радостно объявил, что торжественная часть закончена. Кто хочет, может пройти в буфет и продолжать празднование, ну а в общем и целом – финита ля комедия.

Работяги, бурля негодованием, хлынули в буфет, надеясь на дармовое угощение, за это могли бы многое простить, – и уж тут-то возмутились по-настоящему, когда увидели аккуратные ценнички на всех закусках. Цены были праздничные – вдвое выше, чем в любой городской забегаловке...

Следующим утром директор, явившись на работу, был просто ошарашен. Прямо на доске объявлений висело гневное стихотворение, обличавшее начальство, которое зажралось и ни о чем не думает, а только выписывает себе тайные гигантские премии да развлекается в ресторанах, в то время как рабочим пожалели дать хоть по двести рублей. Авторство не вызывало сомнений – стих написал тот вчерашний поэт, читавший медоточивое поздравление на концерте.

Коллектив оказался расколот этими демонстративными подачками. Рабочие возненавидели начальство. Начальство побаивалось директора, хорошо понимая, какую глупость он сделал. В меньшинстве были довольные, те, кто что-то получил. Они ходили и оправдывались, дескать, не мы же сами себя назначали лучшими. И не возвращать же теперь деньги и призы...

Колька Мологин взбунтовался совершенно неожиданно для всех. Он, такой всегда тихий и готовый помочь любому, явился на работу пьяным и бродил по цеху, что-то полувнятное бормоча на каждом углу, цеплялся к людям, откровенно плакал от обиды. Его, разумеется, обошли наградами. А ведь сколько времени он работал здесь, ничего не прося!..

Ему нужны были не деньги (денег на жизнь ему, слава богу, хватало), а признание личного вклада в это предприятие, его очевидных заслуг. Сколько можно без всякой благодарности гнуть спину на каких-то неизвестных людей? Раньше, при советской власти, это было еще понятно, а теперь-то что же?.. Горе, хоть и пьяное, было неподдельно, обида безгранична. Самый настоящий мужицкий бунт, когда хочется, плюнув на все, пойти в барские комнаты, ударить шапкой оземь и рвануть рубаху на груди, а там будь что будет.

Директор, на беду, как раз стремительно шел со свитой по центральному проходу. Он тоже был в гневе. Он думал, что станет для рабочих отцом родным, но скоты не оценили его благородного порыва. Вместо этого развешивают по стенам дрянные стишки да шепчутся за спиной. А вот, пожалуйста, и пьяными уже в открытую шляются! Это что же дальше будет? Нет, следовало немедленно пресечь крамолу в зародыше, принять драконовские меры. Пусть знают, что с ним эти штучки не пройдут!

– Как фамилия? – резко бросил он, остановившись напротив Мологина. Колька не успел прочитать по губам, о чем спрашивает его директор, и только сощурил глаза, глядя ему в рот. Директор вскипел.

– Уволить! – приказал он стоявшему тут же начальнику цеха. – Так уволить, чтобы больше нигде не брали. А вас я лишаю премии на пятьдесят процентов – почему среди рабочего дня у вас по цеху пьяные шляются? Здесь что, производство или бордель?

И он направился дальше, и свита торопливо последовала за ним.

Мологин посмотрел в спину директору и взглядом спросил мужиков: что случилось?

– Уволить тебя хочет! – с идиотским лошадиным смехом сказал молодой слесарь Заварзин, вытирая грязные руки ветошью. – Доигрался, Колун! Нашел время забастовку устраивать...

– Чего ржешь, дурак?! – оборвал его другой слесарь, Панкратов, человек предпенсионного возраста. И, обращаясь к Мологину, ласково добавил: – Ничего, Коля, мы тебя отстоим.

Однако дело зашло так далеко, что отстоять Мологина не удалось. Директор решил проявить твердость и на обращение профсоюза не отреагировал. Не помог огромный беспорочный трудовой стаж Мологина и всем известное его трудолюбие; директор погружался глубже и глубже в пучину конфликта со своим коллективом.

Хорошо бы уволить всех и набрать новых, страстно мечтал он бессонными ночами. Гастарбайтеров каких-нибудь, тупых и бессловесных. Но этого сделать было никак нельзя. Все же ему нужен работающий завод. У директора даже стало пошаливать сердце, так он все это переживал, и жена капала ему корвалол вперемешку со слезами – такой молодой, и вот на тебе! Какими же надо быть ублюдками, чтобы не ценить такого образованного, передового человека, вставлять ему палки в колеса...

Нельзя прощать обид и давать слабину, убеждал себя директор, иначе они быстро сядут на шею. Раз сказал – уволить, значит, уволить. И дело с концом. Пусть знают и хорошенько думают в другой раз...

А Мологин, оцепенев и ничего не соображая, залег в своей полупустой квартире. Он почти не ел, безо всякого выражения смотрел вечно работающий телевизор, и туфля мерно покачивалась на большом пальце его правой ноги, уложенной на левую. А иногда, пару раз в день, он вдруг заходился страшным смехом человека, никогда в жизни не слышавшего, как он смеется, и тыкал пальцем в телевизионный экран.

В углах квартиры скучно пылились кипы старых газет с нерешенными мировыми проблемами. Запах старости и разложения постепенно пропитывал все вокруг.

Мологину было ясно, что это конец.

Его уволили по позорной тридцать третьей статье с того самого предприятия, которому он отдал лучшие свои годы, фактически всю жизнь. У него отобрали пропуск, и он теперь не имеет права приходить на завод. Новая зверская охрана на пушечный выстрел не подпустит его к проходной. И, в силу естественных причин, он даже не мог позвонить, перекинуться парой слов с заводскими друзьями.

Что ему оставалось делать? Что ему делать теперь?

Он пробовал пить. Не помогло. В одиночку пить было неинтересно и тяжело, и к тому же это ничего не решало.

Через две недели он не выдержал этой пытки, явился к началу смены на проходную и сумасшедшими глазами смотрел, как мимо него молча идут люди с опущенными головами – всем им было стыдно. Даже не столько за поведение директора, сколько за свое собственное бессилие, свое новое положение ничего не значащих человекоединиц.

Когда прошли все и даже пробежали опоздавшие, неповоротливый низенький охранник в толстой куртке медленно прикослапил к Кольке. Раздвинув густые рыжие усы, он злобно выплюнул сквозь них:

– Давай отсюда, дядя. Нечего стоять, раз пропуска нет. А то подкрепление вызову, пошее наkostenяем!

Мологин повернулся и медленно зашагал вдоль забора, толком не соображая куда. И лишь минут через пять понял, что идет к лазу.

На каждом заводе есть свой лаз, иногда даже не один. Охрана может сколько угодно натягивать по верху забора колючую проволоку и устраивать постоянное патрулирование территории, но рабочие всегда имеют возможность пройти на завод и выйти с него окольным путем. Только не все об этом знают.

Колька знал на родном предприятии каждую мелочь. Правда, последний раз он пользовался лазом лет тридцать назад, в далекой веселой молодости. Что делать, такие пришли теперь времена...

Через десять минут он был уже внутри. Стараясь не привлекать к себе внимания, пряча глаза в поднятом воротнике, он проскользнул в цех, махнул приветственно рукой мужикам. Спрятался в своем излюбленном месте, в темном углу на трубах, куда начальство никогда не заглядывало. Переоделся здесь же, запасных спецовок у него было припрятано несколько. Улегся подумать, что ему делать дальше.

Подошли мужики, поздоровались. Ничем помочь ему они не могли, но и мешать, конечно, не собирались. Валяй, Колун, делай что хочешь, это ведь твой завод.

Мологин немного успокоился, повеселел. В обед он даже осмелился сходить в столовую, прячась в толпе мужиков. Его самочувствие улучшалось с каждой минутой.

А вечером, когда начальство ушло домой, он смог выйти из своего убежища. Мастер, который оставался за старшего на этот вечер, был давним его знакомым. Они посидели в кандейке, покурили, поговорили о том о сем... Потом Мологин, отеснив штамповщика, встал к родному прессу и часа три без перерыва вкалывал. Штамповщик несколько раз пробовал сказать ему, что хватит уже, но Мологин поворачивал к нему свой топоробразный, жаждущий крови клюв, кидал опасные взгляды, и тот в конце концов отступился. Мологин быстро выполнил всю его норму, и мужику оставалось только помыться и идти домой.

Это было так прекрасно – работать, заниматься своим делом... Вокруг была родная обстановка, знакомые лица. Теперь Мологин понял, что уходить отсюда нельзя, иначе он умрет. Здесь его место. Если какие-то люди мешают ему находиться здесь, с ними нужно бороться всеми способами, как если бы ты дрался за свою жизнь – да так и есть на самом деле! И хватит плакать и строить из себя невинную жертву, это делу не поможет. Как там раньше писали советские газеты: жизненная позиция должна быть активной!

Теперь распорядок Колуна стал таким: днем он отдыхал дома, а вечером шел на завод. Протискивался через лаз, переодевался на трубах (со временем мужики вернули ему его ящик в раздевалке, занятый было кем-то из вновь нанятых рабочих, и он стал переодеваться там же, где и всегда), шел работать. Все было почти как раньше, просто он теперь работал постоянно в вечернюю смену. И бесплатно. Но это было неважно. В столовой ему всегда оставляли поесть...

Уже почти весь завод знал, что подпольщик Колун вернулся, и это создавало у людей какое-то удивительное настроение. Оказывается, при большом желании можно сопротивляться! Можно делать то, что хочешь, даже если тебе мешают высокопоставленные дураки! Веселое брожение вновь началось в коллективе, назревал легкий бунт, казалось бы, ничем особенным не вызванный.

Считается, что революции вспыхивают вовсе не тогда, когда нечего есть. Перевороты происходят в довольно благополучные времена, просто общество устает от прежней власти, а она этого не понимает, продолжая тупо гнуть свою линию. И тогда все резко меняется.

Одна из молодых женщин-мастеров, которую по каким-то неизвестным причинам собирались двигать наверх, на второй этаж, до того пребывавшая в полном неведении относительно нелегального существования Колуна на заводе, однажды задержалась дольше обычного после смены – и вдруг обнаружила его мирно работающим на своем прессе.

На следующий день об этом было уже известно директору.

С любимым руководителем от ярости едва не случился сердечный приступ. Но, немного успокоившись и обдумав ситуацию, директор решил: будем брать живьем. Он созвал на планерку нескольких своих особо приближенных, строго потребовал сохранения полной тайны информации. Вместе они разработали план захвата Колуна.

Была устроена настоящая засада. С этой целью вечером все руководство сделало вид, что разъезжается на своих служебных машинах, как обычно. А потом они по одному вернулись пешком через запасной ход и сели в засаде – терпеливые, как буддистские монахи, ждущие просветления.

Их планам не суждено было сбыться. Уборщица, тетя Галя, видела их, о чем-то догадалась по нескольким случайно брошенным хищно-веселым репликам, и мгновенно весть об этом дошла до Колуна, спокойно переодевавшегося на работу. Через три минуты его не было на территории завода, а директор зря прождал весь вечер и уже не поехал домой, устав и прикорнув на узеньком диванчике в своей приемной. Иногда его щеку начинал бить лег-

кий тик, усики дергались, и тоненькая струйка голодной слюны сохла в углу рта. Над его головой висел бесполезный японский меч. Утром он проснулся разбитым и злым. С тех пор на Колуна была официально объявлена охота.

И что интересно: директор даже не понимал, как глупо он выглядит. Его авторитет падал все ниже. Колун на родном заводе никогда не попадался – не мог попасться в принцип. У него в агентах был весь трудовой коллектив. А всех, как известно, не перестреляешь.

И, наверное, это так и продолжалось бы еще какое-то время. Но Колуну совсем не хотелось бегать и прятаться, хотя поначалу он испытывал удовольствие, оставляя директора в дураках, но скоро это надоело – что он, мальчишка, лезущий в чужой сад за грушами? Сад-то был его. Он тоже разозлился. Всю эту глупую комедию пора было кончать.

И однажды он явился на завод посреди рабочего дня. Неожиданно появился в цеху, спокойный и деловитый, встал к станку... Народ поначалу даже не слишком обратил на это внимание, так привычна была картина: Николай Мологин у своего штамповочного пресса. Но вот по цеху пролетела радостная новость – Колун здесь! Что-то будет...

Возле Николая медленно росла толпа. Поднимался ропот недовольства. Это было вызвано еще и тем, что в последние месяцы завод ухнул в экономическую яму, из которой неизвестно было, как выберется, и рабочим уже начали задерживать зарплату. Да и вообще...

Образовалось что-то вроде стихийного митинга – без трибуны, без назначенных ораторов. Все сначала говорили вразнобой, потом начали перекрикивать друг друга. Подтягивался народ из соседних цехов. Работу остановили, отрубили электричество.

И в центре всех этих событий стоял Колун, как символ и знамя протеста. Он поворачивался из стороны в сторону, стараясь не упустить ничего из того, что говорили рабочие. Он кивал, тоже лаял что-то невнятное в общем шуме, размахивал руками. Градус возмущения нарастал.

В этот момент, как нельзя более некстати, появилось руководство, прослышавшее о беспорядках и об их зачинщике. Впереди своей отставшей свиты бежал директор, бледный от ненависти, с длинной, стильной резьбы деревянной указкой в руке. Новость застала его в тот момент, когда он наглядно объяснял возможным инвесторам преимущества капиталовложений в свой завод. За этими людьми он, унижаясь, тщательно ухаживал последние месяцы. Инвесторы мгновенно исчезли, а они были уже почти последней его надеждой.

Такого развития событий он просто не ждал – словно удар в спину, неожиданный и подлый. Тем более жарко запылал гнев в его сердце. Это что-то из ряда вон, это следовало задавить немедленно! Повесить на рее! На первом же суку... Помахивая указкой, словно легкой шпагой, директор устремился в атаку.

Увидев приближающееся на полном скаку руководство, народ попритих и слегка отступил за Колуна, впрочем, не отодвигаясь дальше. Противники, как и положено, остались один на один, и от их схватки, видимо, зависела и судьба всего побоища.

Директор трясся от ярости, стоя напротив Мологина. Вот он, этот мелкий человечешка, источник всех его неприятностей! Смотрит дерзко в глаза, осанку имеет до глупости внушительную, словно он здесь хозяин! Ладно бы еще те прошлые дела, безумная охота, бессонные ночи, но вот сегодня он сорвал почти готовый контракт, и заводу теперь крышка, и самое смешное, что этот дурачок ничего не знает, а похоже, считает себя правым!

Вскипев ненавистью, директор размахнулся и впечатал длинную деревянную указку в щеку Мологина. Колун от неожиданности упал.

Народ, стоявший сзади, если до сих пор еще и имел какие-то сомнения насчет своего руководства, теперь понял все. Этот барский жест был вполне нагляден. Толпа взъерилась. На голову директора посыпался трехэтажный русский мат, люди двинулись вперед, потрясая кулаками.

Директор испугался, оглянулся назад, ища поддержки. Но свита его уже рассосалась, ясно почувствовав, что парень доигрался. Он был один. Только в руке его была деревянная палочка, вовсе не похожая на благородный японский меч.

Колун, вне себя от благородного негодования, пошарил вокруг и поднял первое, на что наткнулась рука. Резьба зажимного болта весом в пару килограммов привычно легла в ладонь. Колун встал, выпрямился и дерзко взглянул в глаза директору.

За его спиной стояли люди и молчали.

– Держите его! – слабо крикнул директор, косясь на стальной болт. Ему было ясно, кто победит в соревновании болта и указки.

Люди молчали, как пустыня молчит перед ураганом. Они молчали, как молчит космос, сквозь который несется пылающая комета. Они молчали, как молчит камень возле дороги – тысячу лет лежит и молчит. А потом его кто-то берет в руку... Они не просто молчали – они безмолвствовали.

Ждали, что Колун сейчас ударит в ответ, возможно, даже убьет глупца – и никто не скажет и слова против. Любой суд присяжных отпустит его на свободу с легким сердцем. Есть в жизни мгновения, когда надо ответить обидчику изо всех сил.

Но молчание длилось, Колун стоял на острие людского клина и не сводил с директора глаз, а тот все больше съеживался под его взглядом. И вот он начал отступать – медленно, медленно... потом бросил указку, в истерике побежал, закрыв голову руками... И тогда молчание закончилось. Вслед ему захохотала огромная толпа, выказав настолько глубокое презрение, что даже менеджеру высочайшего класса стало понятно: дальше здесь оставаться нет смысла. Этот монолит, образовавшийся, кристаллизовавшийся в ту секунду, когда он ударил Николая Мологина, – его теперь ничем не возьмешь. И если бы директор в действительности исповедовал самурайские принципы, а не только болтал о них, ему оставался бы лишь один путь для того, чтобы сохранить честь... Но он, конечно, даже и не думал ни о чем таком.

Профсоюз вскоре подал на него в суд за рукоприкладство, но Мологин сам отозвал исковое заявление, он простил глупому мальчишке эту выходку. Не дожидаясь нового собрания акционеров, на котором его должны были уволить за плохие экономические показатели, директор ушел по собственному желанию. Новый директор, третий по счету за год, ничего не знал обо всех этих перипетиях и просто взялся вытаскивать завод из ямы. И скоро ему это удалось.

Но самое важное – Николая приняли обратно. Теперь запрещать это было некому. В отделе кадров ему тайно сделали новую трудовую книжку, в которой содержится лишь запись о приеме Мологина на работу да несколько пометок о повышении квалификации. Тридцатипятилетний стаж его остался, как и прежде, непрерывен.

И Николай снова приходит в цех раньше остальных, делает свои генеральные инспекции, передвигает что-то кран-балкой, выносит мусор, ездит в качестве грузчика на склад помимо своей основной работы... Как прежде, никто не платит ему за эти дополнительные обязанности ни копейки.

Но он все равно счастлив.

Одно только тревожит его больше и больше с течением времени: приближающаяся пенсия; правда, тут уж ничего сделать нельзя...

Месть женщины Идиллическая история

Когда Веру Силантьеву судили, народу набился полный зал. Не каждый день удастся увидеть такое. Цирк! Еще бы, ведь эта пожилая женщина чуть не угробила здорового мужика, мастера спорта по боксу.

Для кого-то она была героиней, для кого-то преступницей. В зале шумели. Судья во время разбирательства призывал публику к порядку, грозно стуча молотком; он даже пообещал выгнать всех вон, если не будет тишины. Но вот порядок восстановился и процесс двинулся своим ходом. Были вызваны многочисленные свидетели, с помощью которых и удалось восстановить картину происшествия...

* * *

Поздно, поздно вышла Вера Шилова замуж за Павла Силантьева, в тридцать семь лет, и о детях, конечно, речи уж не было. Представить себя с животом не могла – перед людьми стыдно. Павлуша-то хотел сына, наследника (ему под пятьдесят тогда подкатило), но как-то неуверенно, словно сомневался – и жена, видя это, однажды втайне от него сходилась в поликлинику, совершила там непоправимое, потом месяц болела, и врачи сказали ей, что теперь детей точно не будет. Она только головой мотнула: и не надо нам. Не сомневалась нисколько.

Выйдя из больницы, пересмотрела старые семейные фотографии, где была запечатлена еще девочкой, поплакала немного, а потом убрала их подальше на антресоли. Навсегда.

С тех пор у Силантьевых не случалось больше никаких затруднений и разногласий. Мужа своего Вера очень любила.

Работала она на заводе обмотчицей, перематывала сгоревшие электродвигатели, сидя в маленьком удобном цеху. Коллеги у нее были два мужичка, и целый день они посиживали, чаек попивали, проволоку мотали и разговоры разговаривали.

Первый мужичок тихий был, маленький, боязливый, он чаще слушал, иногда подавая язвительные реплики, и очень был похож на мелкого грызуна, опасно поглядывающего из своей норы; ну а второй был широкий, разлистый болтун-балагур. Болтун любил Веру подначивать всяко, да она ничуть не обижалась, посмеивалась только. Закончив в свое время техникум, привыкла считать себя чуть-чуть повыше да поумнее большинства окружающих. Может, оттого и замуж в молодости не вышла. Предлагали ей, да она разборчивая была, гордая, цену себе знала...

Любила Вера в разговоре употреблять разные сложные и загадочные слова. Говорила о каком-нибудь мужике: «Он такой экспансивный!» Или о женщине, которая не вызывала у нее одобрения: «Инфернальная дамочка!» Коллега-болтун пародировал эту ее привычку, но Вера только все посмеивалась.

Народ вокруг считал ее интеллигенткой.

Павел из-за этого долго боялся к ней подойти, заговорить, хоть и сам человек солидный, видный. Все-таки бригадир монтажников – это тебе не просто так. Двадцать человек в подчинении. Разные люди попадают, и пьянь, и нервные, а ты вот попробуй поруководи. Силантьев много где работал и был всегда на хорошем счету. Если дело какое ответственное – поручали ему, знали: не подведет. Вот и сюда перевелся недавно по особой рекомендации с военного завода. Надо было помочь людям.

Однажды он прибежал к обмотчикам ругаться из-за отремонтированного движка, который опять сгорел уже на второй день. Все дело из-за него встало. Павел ворвался в цех потный, яростный, на взводе, открыл было рот, чтоб обматерить бракодела-балагура... И ничего не сказал, увидев Веру. Смущенно покашлял в кулак, вызвал балагура в коридор, спросил: а кто такая? Вера ее зовут, сказал испуганный обмотчик, пытаюсь оторвать от себя скрюченные пальцы Павла Силантьева, которыми тот как бы невзначай ухватил его за ворот рубашки.

Вера, сказал Павел задумчиво. Вера... Ладно. Ты вот чего, ты движок мне обратно перемотай, но на этот раз качественно, понял? Да понял, понял, гарцевал перед ним балагур, словно конь на узде. И вот чего, добавил Силантьев очень тихо, ты ее не трогай, не обижай.

Долго смотрел Павел на Веру издали, пока однажды на вечере, посвященном 8 Марта, не набрался, как мальчишка, храбрости подойти и пригласить ее на танец. Она, в простом открытом платье притягивавшая всеобщие взоры, королева бала – пошла охотно.

– Фу, табаком от вас, Павел Егорович, – для начала кокетливо прикрыла белой рукой напояженный вишневым рот. И от этого ее движения Павла словно кипятком ошпарило, он покраснел и стал задыхаться, чего с ним раньше никогда не случалось. Вера аккуратно постучала ладонью по его спине. – Да вам надо бросать курить!

– Это можно, – сказал Павел. – Я уж и сам хотел...

– Считайте, что я лично в этом заинтересована.

Задорно и весело взглядывала на него, ни слова больше не говоря, словно знала о чем-то. Как не знать, когда балагур все уши прожужжал, сосватал ее давно.

Дотанцевали, он проводил ее на место.

Она о чем-то визгливо посмеялась в углу с подругами. Павел решил: это о нем, – и разозлился. Чертова кукла! Хотел уже уйти, направился к выходу, но тут объявили белый танец, и Вера прошла прямо к нему через весь зал. Наперехват. Он глазам не верил. Неужели правда? Улыбнулась:

– Я приглашаю вас, Павел Егорович, – и положила руки ему на плечи.

Осторожно держа ее пальцами, боясь сжать чуть сильнее, обидеть неловкостью, он снова начал задыхаться, сердце у него сдавило, и он понял: вот все и решилось. В этот самый момент. Словно где-то высоко-высоко ударил колокол, и чистая нота еще долго висела в гудящем пространстве.

Теперь без Веры он не сможет...

А она сказала:

– Знаете, вам хорошо бы усы сбрить!

– Это можно, – ответил Павел без запинки, уже привычно, – все в наших руках.

И на следующий день явился на работу безусый, как юнец. Помолодел ощутимо. И больше не курил никогда. Странное дело – всю жизнь был сам с усам...

Но женщины сошлись во мнении, что так ему действительно лучше. Стал похож на интеллигентного человека. А то был деревня деревней.

Дачу Павел и Вера Силантьевы купили на десятом году счастливой совместной жизни. Участок продавался что-то совсем недорого, а место хорошее, и вода рядом, и до автобусной остановки недалеко. Был на участке кирпичный домик, вернее, одни только стены без крыши, и был работы непочатый край.

Павел увидел это – и загорелся. Давай купим! Смотри, какая красота! Крышу сделаем, баню построим, и можно жить хоть все лето! А? Ну давай купим! Ведь пенсия скоро!

Павел раз и навсегда решил: в их браке главный человек – Вера; он негласно поставил ее над собой начальником, и хоть с виду все решения принимал сам, но только с одобрения супруги.

Два месяца уговаривал ее, пока она согласилась.

Вера – человек не земляной. Родилась-то в деревне, но еще девчонкой оттуда уехала и уже забыла, что такое мыться в бане по-черному и носить воду в ведрах. От деревенской жизни только в памяти и осталось почему-то, как сено однажды летом гребли, стога метали; тятя вилами наверх подает охапки, а она с граблями принимает... «Поберегись!» – кричит тятя и улыбается весело. Опасная штука эти вилы.

Красиво, но сколько времени прошло... Не хотелось ей теперь выращивать картошку и вообще что бы то ни было, когда все можно без хлопот купить в магазине. Не желала она таскать навоз и воду, и уж особенно не хотелось ей сытно кормить комаров по ночам.

Но мужу отказать не могла. Ведь Павлуша такой с ней добрый да ласковый.

И они приобрели участок.

Павел позвал нескольких мужиков с завода, они за два дня сладили отличную крышу, покрыв ее толем. Теперь было где спрятаться от дождя. Это вдохновило Павла на дальнейшие подвиги. Он приволок и установил дверь, врезал замок и недели две после ходил вокруг довольный и счастливый. Его дом, его и ничей больше! Он был тут полновластный хозяин. Павел несколько раз на дню закрывался в доме на замок, стоял посередине комнаты, сжимая в руке остро наточенный топор и обводя глазами окружающее пространство. Чутко прислушивался к малейшему шороху и скрипу... Эта поза была ему самому непонятной: то ли решал, что делать по дому дальше – строил планы; то ли во всеоружии ждал незваных гостей. Он словно томился в предчувствии опасных событий, в которых ему самому-то уже не доведется участвовать.

Его деда раскулачили в двадцатых. Однажды ночью подъехали добрые люди в форме, с револьверами и готовой подводой. Это были односельчане-голодранцы, не умевшие и не хотевшие работать. У новой власти они почему-то были в особой милости. Парни схватили топоры, но бабка так заголосила, что дед, на нее глядя, только бровью повел, велел – бросьте. Перебьют всех из револьверов прямо здесь, как курей. А так, может, еще спасемся... Эх, и никто на помощь ведь не придет, тоскливо вздохнул дед, люди сидят по домам, дрожат и ждут. Хоть бы в колокол ударили, может, нехристи эти испугаются да сбегут или вообще исчезнут, бессмысленные...

Зря надеялся. Погрузили его со всем семейством и отправили на станцию, потом куда-то в Сибирь, где дед и сгинул безвестно, а его огромное справное имущество растащили. Из большой семьи Силантьевых на родине остался лишь Егор, будущий отец Павла – его успели предупредить, когда он шел из соседней деревни от зазнобы. Так Егор и мыкался по чужим углам, несколько лет старался не попадаться на глаза начальничкам... Только после войны, вернувшись на родину полным кавалером ордена Славы, он смог почувствовать себя более или менее полноправным человеком, женился, родил детей – и Павлу, старшему своему, рассказал все как есть, а тот запомнил накрепко.

Павел уехал в город; когда он уже работал бригадиром, ему не раз предлагали вступать в партию. Он только смущенно и упорно отказывался – не чувствую себя достойным – и из-за этого имел даже неприятности с руководящими идеологическими товарищами. Потому остался всего лишь бригадиром, но уж тут крепко был на своем месте, не сковырнуть.

Иногда, обняв Веру за плечи, он водил ее по участку и показывал: вот здесь мы пробьем скважину, чтобы пить чистую воду, здесь поставим баню, здесь выкопаем яму для компоста... а тут высадим яблони, представляешь, какая красота будет весной, когда они зацветут? Лицо Павла при этом светилось вдохновенным счастьем, Вера такого лица у него и не видывала, и хоть сама-то не понимала, что же такого хорошего в яме для компоста, но согласно кивала и неопределенно улыбалась, скрестив руки на груди. Она любила мужа, своего Павлушу. Правда, на даче он запрещал называть себя так, тут он был Павел Егорович, по крайней мере Павел, а в городе как угодно, даже еще по дороге в город снова превращался в ручного Павлушу. Однако все эти деревенские хлопоты вызывали у нее подспудную тревогу.

Здоровье Павла было неплохим, во всяком случае, он ни на что особенно не жаловался. А ведь в его возрасте, и даже еще раньше, начинаются всякие болячки, это Вера знала хорошо. Сердце, желудок, суставы... На заводе она насмотрелась всякого. Большинство мужиков не дотягивали и до пенсии, что-то совсем не хотели они жить на белом свете. Кого водка убивала, кого работа, кого что... Или, если дотянул, буквально годика через два смотришь – опять нету мужичка, висит только на стене траурное объявление с фотографией: дескать, так и так, преставился бедняга, приходите поминать, люди добрые. Какое-то словно поветрие косило их; видать, решали зря небо не коптить, и бабы под старость оставались бедовать одни. Хорошо, если у кого дети взрослые – помогают. Ну а если нет? Страшно.

У Веры никаких излишеств Павел себе не позволял, пил редко, вел себя солидно. Вот только с дачей этой, думала она, завязался зря, сидел бы лучше дома, смотрел телевизор. Нет, мотался туда каждый свободный день, чего-то там копал, рубил, стучал молотком. Все спешил. И высшим счастьем в жизни для него было поехать на дачу, заняться делами. Он еще дня за три до выходных начинал мечтать: вот поеду... сделаю то-то и то-то... а потом еще чего-нибудь... вот поеду...

Перемены на участке Вере были очень заметны, потому что довольно часто в выходные она предпочитала посидеть дома с какой-нибудь умной книжкой, вместо того чтобы месить грязь на огороде. Иногда так приедет, посмотрит – откуда что взялось? Вот уже и щитовая терраса к дому пристроена, и труба торчит (печку где-то раздобыл, установил), и тропинки проложены аккуратные... Да, муж ее на все руки был мастер, и проблем для него не существовало. Любая деревенская работа была ему откуда-то знакома, а если не знал чего, то с легкостью перенимал у людей, в этом деле опытных.

Павел часто оставался там ночевать – путь неблизкий, да и на транспорт что зря тратиться? Вера скучала по нему в такие дни, тревожилась, и, собравшись с силами, наутро все-таки ехала на дачу, имея в авоське судок с нажаренными котлетами и вареными яйцами.

Муж обычно бывал занят какой-нибудь работой, но, завидев Веру, бросал все, шел к ней, неловко обнимал, отнимал сумку, бормотал что-то вроде: «Ну вот... зачем в такую даль тащилась... я тут и сам не пропаду... отдохай, ведь завтра на работу...» и чуть не плакал от нежности. А иногда и плакал в самом деле – тайком, уйдя в дальний угол.

Баня у него обычно бывала уже натоплена, и они вместе шли париться.

Вера телом была еще крепка и статна, даже некоторые молодые женщины ей завидовали. Ну а чего ж, детей не вынашивала, не выкармливала. Муж с удовольствием смотрел, как в предбаннике она раздевалась и быстро прошмыгивала в парилку, прикрыв наготу руками. Павлу это страшно нравилось, а еще больше нравилось, когда она просила его отвернуться. Он усмехался, басовито кашлял, но и не думал отворачиваться, чем страшно смущал Веру, а потом шел следом с вениками на изготовку, чувствуя в теле приятную истому.

Через несколько лет Силантьевы обустроили свою дачу, не до конца, конечно, а так, почти. До конца-то все разве сделаешь. Павел прикидывал, что работы впереди еще ой-ой сколько.

Но оказалось, ошибался он. Его труды и дни на земле были сочтены.

Как-то по весне, вскопав особенно длинную и широкую гряду под картошку, он устало выпрямился, опершись на лопату. Минут десять стоял неподвижно, крепко задумавшись, ни на что вокруг не обращая внимания. А может, просто слушал соловья, выдававшего нежные, сказочные трели в ближайшем кусте. Потом, оставив лопату немым восклицательным знаком торчать посреди гряды, он прошел в дом, где Вера уже собрала поесть и как раз заваривала чай из первых смородиновых листьев.

Павел тяжело опустился на табуретку и прилег грудью на стол. Вытянул перед собой руки и в такой странной позиции сидел некоторое время. Потом позвал тихо:

– Вера-а...

Жена не услышала его в трех шагах, так тих был его голос.

– Вера... слышишь...

Наконец она оторвалась от заварника и посмотрела в его сторону. Павел сидел за столом и плакал, беззвучно и так горько, что ей в первую секунду стало даже смешно (вот расселся старик и ревет чего-то), а после просто страшно, хоть беги из дома вон.

– Все, Вера... отработался, – сказал Павел, глотая соленые слезы, текущие ему прямо в рот. – Умру сейчас.

– Ты что! – взвизгнула Вера. – Ты что такое говоришь, Павлуша! Ты меня не пугай, пожалуйста!

– Не пугаю я, Вер, прости. Только умру вот сейчас, понимаешь? Рука болит... левая... о-ох, тянет, зараза! Не успел я... не успел...

Повторяя эти слова, он смотрел на свой весенний полувскопанный участок, на солнце, так ярко сиявшее в небе, что, судя по нему, никакой смерти в мире быть просто не могло; на яблони, уже покрывшиеся нежным белым первоцветом. Оглядел он и свой почти достроенный дом.

– Не успел...

– Да чего ты придумал-то?! – визжала напуганная до истерики Вера. Вся интеллигентность слетела с нее в один миг. В словах мужа нельзя было сомневаться. – Чего ты помирать собрался? Ты живи! Как я одна без тебя? Ты обо мне-то подумал?! Да я сейчас побегу «Скорую» вызову, обожди помирать-то!

– Прости, – сказал Павел почти нормальным голосом. Видно было, что он старается взнуздать себя, скрепиться. – Рука... видишь, рука левая тянет... это верный признак. Брат у меня, Игорь, так помер. – Тут его рот снова уехал куда-то вниз и вправо. – Прости, Вера, не успел я все тут достроить и доделать... как ты будешь одна, не знаю, прости... Верочка!

Он протянул к ней руки через стол (она инстинктивно отпрянула в первый момент), кончиками дрожащих пальцев водя в воздухе, словно гладил ее по лицу, а может, ваял ее так в своей памяти, унося с собой навеки.

Высокий-высокий небесный колокол ударил дважды, и его страшный рев влился в уши Павла.

– Вера!

Последнее его слово потонуло в каком-то лошадином храпе, Павел схватил себя за горло и, качнувшись взад-вперед, ткнулся лицом в стол.

Вера вскочила и выбежала из дома с громким криком, который тотчас услышали соседи, подошли с лопатами и топорами (мало ли что), а узнав, в чем дело, вызвали по мобильнику врачей. Впрочем, понятно было, что врачи здесь уже не требуются.

Те приехали часа через два, зафиксировали факт смерти, потом еще через час прибыла милиция, покрутилась немного и исчезла. Ну а труповозка неторопливо подвалила уже около одиннадцати, когда начало темнеть, и два грязноватых небритых мужика вытащили Павла Егоровича Силантьева – на носилках, прикрытого случайной белой тряпкой – из дома, который он построил. Возле машины носилки опустили на землю, дали Вере расписаться в какой-то бумаге, назвали адрес, по которому надо будет забирать тело, спросили полтинник на помин души. А потом задвинули носилки в гостеприимно распахнутый кузов «Газели» и все так же неторопливо (куда теперь спешить?) запылили, переваливаясь на дорожных ухабах. Вера смотрела вслед удаляющимся габаритным огням и повторяла, как заклинание:

– Вот и поехал ты, Павел Егорович. Вот и поехал...

Она вдруг поняла, что в жизни всегда так: один едет, другой смотрит.

Ее затрясло, закололо. Ночевать на даче не смогла, было страшно до жути; быстро собрала вещи и побежала на автобусную остановку; хорошо, сразу подошла «маршрутка»; уже через полчаса Вера была дома. Эту ночь она не спала ни минуты.

И впоследствии ей пришлось лечить начавшееся нервное расстройство, пить лекарства; в ее квартире завелись иконки, свечи, ладанки; только через год смогла она более-менее оправиться от этого внезапного, как гром с ясного неба, удара, только через год смогла, прижимая ладони к вискам заученным театральным жестом, сказать коллегам:

– Это случилось так спонтанно!

Снова был май, и в этом мае Вере настал срок уходить на пенсию. Коллеги проводили ее, как полагается, приготовили подарки, поздравили. Руководство выделило небольшую денежную сумму. В общем, все как у людей.

Коллега-балагур поинтересовался, станет ли она теперь заниматься дачей. Потому что одной-то ей многовато будет, не потянуть, и надо искать мужичка. При этом он подмигнул: дескать, ты только намекни, я всегда готов...

Прошлом лето дача простояла запертой и огородам Вера не занималась, так что соседи передавали ей, мол, заросло все травой по пояс, а в дом кто-то влез, окно выбито... Стыдно, конечно, перед людьми. Однако она решила съехать туда лишь в июне, просто посмотреть, без намерения что-нибудь делать. Ей все еще до жути страшно было это место, иногда в кошмарных снах снилось. Так что какое тут огородничество.

В самом деле, за год все изменилось. Трава была теперь такая, что не пройдешь, от тропинок осталось лишь воспоминание, крапива и малина заполонили все. Дом стоял угрюмый, нахотеленный, щерился битым стеклом в окнах. Он не ждал хозяйку.

Замок еле открылся, и дверь, сварливо скрипя, медленно отделилась от косяка. В первый момент Вера вскрикнула – ей показалось, что там внутри стоит Павел. Но это просто висел на гвозде его рабочий комбинезон... Тут же и вспомнилось ей, как в первые дни после своего внезапного ухода Павел чудился ей почти каждый день. Мелькнет ли на улице знакомая его фигура в привычном пальто, или он взглянет из окна проезжающего автобуса, каждый раз наводя жуть. Но это чужой человек смотрел его глазами, носил его одежду, повторял его привычные жесты...

Дом зарос паутиной, пылью, на окнах было полно высохших мух и бабочек. Под потолком висело прошлогоднее осиное гнездо, повсюду валялся мышиный помет. Воры унесли алюминиевую посуду, а больше ничего не тронули.

Вот что осталось от человека, с горечью думала Вера, разглядывая небольшие деревянные ящики, в которых сложены были пассатижи, молотки, банки с гвоздями и шурупами, мотки веревки, обрезки кожи, разные Павловы хозяйственные припасы. Жизнь потратил на эти мелочи. Всю душу в них вложил зачем-то. А придет чужой человек со стороны, посмотрит: вот барахло! Возьмет и выкинет, не глядя. Копейки не даст. Вон, даже воры не позарились...

Все здесь было теперь чужим и враждебным. Мерзость запустения, вспомнила Вера слова из какой-то книжки.

Да, поняла она, без Павла это место, эта земля не имеет никакого смысла. Пока был Павел, здесь все ладилось, а теперь сбилось с колеи и застряло, увязло безнадежно. И ей одной здесь, конечно, делать нечего, не стоит даже и пытаться, зря только силы тратить.

В этот день Вера решила продать дачу.

Ко всем прочим доводам прибавлялись еще и финансовые соображения. Пенсия-то у нее грошовая, а за квартиру платить надо, есть-пить надо, и надо пальтишко на зиму купить. Старое ведь уже совсем поизносилось. И сапоги... Кто поможет бедной пенсионерке? Они

с Павлом никогда не делали больших накоплений, даже сберкнижки у них не было, почти все заработанное в последнее время тратилось на дачу, и осталась теперь Вера ни с чем. Нет, придется продать, хоть и жалко. Ведь Павлуша столько труда во все это вложил...

Вера купила газету бесплатных объявлений, вырезала купон и заполнила его, собираясь на следующий день отнести в почтовый ящик.

Ночью ей приснился Павел, он был печален и смотрел на нее своими ласковыми глазами с упреком, как никогда при жизни.

– Не продавай, Вера, дачу, – сказал просительно.

Сны есть небывалые комбинации бывалых впечатлений, вспомнила Вера слова из умной книжки – и не испугалась.

– Сам ведь знаешь, каково мне без тебя, – сказала она мужу. – Деньги нужны, да и зачем земля зря пропадать будет? Пусть кто-нибудь работает там, в порядок приведет. А я себе пальто куплю, я в универмаге такое хорошее видела, тебе понравится, и не очень дорогое...

– Не продавай, Вера, дачу, – повторил Павел и исчез. А Вера проснулась, поворочалась немного в холодной постели и опять уснула.

Этот сон ее нисколько не встревожил. Но она решила, что пора съездить к Павлу на могилу – две недели прошло, соскучилась. Нужно прополоть; у нее там были посажены цветы; цветы взошли неожиданно дружно и мощно, земляной холмик теперь напоминал яркую клумбу. Вера даже почувствовала искорку интереса к земледелию, старательно ухаживая за цветами на могиле мужа.

Да, с этой стороны Павлу не на что было обижаться.

Она отнесла купон на почту, объявление опубликовали, и ей стали названивать разные люди с предложениями. Но предлагали почему-то очень мало. А ведь Павлуша в участок столько вложил, что никакими деньгами не измерить. Жизнь свою положил, можно сказать. И Вера с раздражением, а иногда и с гневом отказывалась, выпроваживала ловкачей.

Один такой упорный попался, видно, понравился ему и участок, и дом. Бородатый огромный мужчина разбойного вида со свернутым набок носом – бывший боксер, наверное. Целую неделю ежедневно он приезжал к Вере, торговался. Видя беспомощное положение одинокой женщины, не церемонился:

– Давай, бабка, продавай. Тебе все равно это не надо. А я хорошие деньги дам за твою развалюху.

– Это не развалюха, молодой человек, – робко возражала Вера, пытаясь соблюсти интеллигентность. – Мой покойный муж был...

– Все, нет его больше! – сердился мужик. – Был да сплыл! Продавай, бабка! Имей совесть!

Прибавлял он каждый раз сущие копейки, а делал вид, что это целое состояние. Жадничал. И когда она окончательно сказала ему «нет», страшно разозлился. На прощание бросил: «Ну, попомнишь ты меня!», хлопнул дверью. Вера испугалась, пожалела, что и затеяла все это дело с продажей, занервничала. Пришлось снова таблетки пить. Но ничего, все вроде обошлось: настырный покупатель о себе больше не напоминал.

А это был их деревенский сосед, о чем Вера, конечно, и знать не знала. Ее участок прилегал к его земле почти вплотную, их разделяла лишь узкая тропинка между заборами, которая, собственно, и была границей деревни и дачного кооператива. И вот кривоносый решил таким образом волшебным образом расширить свои владения. Отказ Веры порушил его грандиозные планы.

В тот год дачу у нее не купили. Соответственно, не оказалось денег на пальто и сапоги, и она ходила в старом, испытанном. Ничего, как-нибудь.

Глянув однажды на себя в зеркало попристальней, она увидела, что уже сильно постарела. Когда произошла с ней эта перемена, она не успела заметить, но вот место моложа-

вой, статной женщины средних лет заняла довольно еще стройная и энергичная бабулька. А обратного хода нет.

Ну, что ж. Много таких вокруг. Может, придется жить еще лет до девяноста, вот там действительно будет о чем подумать.

Однажды вечером в ее квартире раздался телефонный звонок.

– Теть Вера, – произнес незнакомый мужской голос, – здравствуйте. Говорят, вы дачу продаете?

– А вы, собственно, кто такой? – удивилась она.

– Вы меня не узнали? Ну, богатым буду. Это я, Леонид.

– Ой, Леня, здравствуй, правда не узнала...

Родной племянник Павла. Она видела его раза, может, три.

На школьном выпускном, на проводах в армию, потом на поминках Игоря, брата Павла. А после Леня женился, но на эту свадьбу они с Павлом не попали. Что-то тогда помешало. Кажется, Вера прихворнула, а может, ей и просто не хотелось идти.

И вот теперь звонит насчет дачи.

– Продаю, Леня.

– Не продали еще?

– Нет...

– Ну, давайте я куплю тогда.

Сказано это было очень просто и деловито, словно речь шла о буханке хлеба.

– Так ты ж не видел ее еще!

– Вообще-то видел. Я к дяде Паше несколько раз приезжал туда, так что представляю.

В мое отсутствие приезжал, ревниво подумала Вера. А Павлуша и не говорил об этом. Чего это он с племянником своим так сошелся? Никогда особенно сердечными не были отношения двух братьев Силантьевых...

– Дядя Паша был хороший хозяин. Это как гарантия, знак качества. Так что беру. Сколько вы хотите, тетя Вера?

Вера поджала губы. Вот, не было ни полушки, да вдруг алтын.

А с родственника ведь много не спросишь.

– Ну, – сказала она неуверенно, – надо встретиться, все обговорить...

– Хорошо. Давайте тогда прямо там, на участке, и встретимся, посмотрим, все решим. Давайте завтра, вы свободны? Завтра суббота.

– Ладно, завтра. Часов в двенадцать я приеду.

– И мы с женой приедем. До свидания тогда, тетя Вера!

– До свидания.

Леня за прошедшие несколько лет мало изменился, был все такой же быстрый, сжатый, целеустремленный; он говорил готовыми отточенными фразами, часто коротко всхлывал и тут же обрывал сам себя, словно не желая тратить время на бесполезное занятие. Он каждую свою секунду экономил, чтоб не пропала зря, и больше всего не любил тех людей, которым нужно объяснять одно и то же несколько раз. «Тормозов» не любил. У него, наверное, имелась какая-то грандиозная цель в жизни, и к этой цели он собирался упорно двигаться много лет. Сумеет ли достичь того, к чему стремился, он, конечно, не знал, но готов был положить на этот алтарь любые усилия, заранее поняв своим быстрым умом, что движение к цели само по себе гораздо важнее, чем сбывшаяся мечта.

Жена его, Наташа, была, наоборот, очень спокойным человеком; она словно гасила излишнюю скорость и активность своего мужа, да так, что он этого и не замечал. Разум у нее был светлый. Жизнь была ей понятна и не таила в себе никаких загадок; жизнь давалась ей

легко, без напряжения, несла ее в своем течении плавно. Не то что другие – едва преодолеют одно препятствие, как на горизонте появляются два новых, своими же руками воздвигнутых. Никуда не торопясь, Наталья делала лишь необходимые дела, с ходу отмечая глупые мелочи, и потому не отставала от мужа на марафонской дистанции, которую он себе определил, а зачастую и поддерживала, когда это требовалось, или даже тащила его к далекой неведомой цели.

Но Вера пока ничего этого не знала. С первого взгляда Наташа ей не очень понравилась: толстая, корова коровой, стоит, глаза круглые пучит, улыбается глупо. Вера сразу взяла в отношении ее покровительственный, несколько недовольный тон.

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, заходите в гости...

Отдала ключи Лёне, он с трудом открыл дом. Внутри, конечно, был прежний развал и начавшаяся разруха. Но Леня ходил по дому и восхищался:

– Ай, красота какая! Ай, лепота! Ну, дядя Паша, молодец! Что развалилось немного без хозяина – так это поправимо. Все в наших руках...

Он осмотрел и участок, где что. И вдруг попросил познакомить его с соседом слева.

– Зачем тебе, Леня?

– Да так, вопрос один есть.

Ладно, пошли. Сосед как раз нес им навстречу полные ведра воды. Поставил на землю, заулыбался.

– Ох, жара. Здравствуй, Вера. Как здоровье-то?

– Здравствуй, Николай, – поздоровалась Вера. – У меня все нормально. Вот хозяин новый моего участка, знакомься: Леонид.

Мужики пожали друг другу руки.

– Дядь Коля, – Леня сразу взял быка за рога, – а чего это заборчик-то на нашу территорию шагнул?

– Заборчик-то? – переспросил Николай, закуривая. Предложил и Лёне, но тот помотал головой. – Заборчик на месте стоит.

– На месте, да не на том, – твердо сказал Леня. – Почти целый метр оттяпали вы у нас. Я был здесь два года назад и отлично помню, что межа проходила вон по той старой яблоне.

– Это как так, Николай? – изумилась Вера. – Правда, что ли?

И сама пошла посмотреть. Точно, Леня не ошибся. Она внимания не обратила, да толком и не присматривалась никогда. Сосед передвинул забор на их территорию, выгадав для своего участка дополнительные двадцать пять квадратных метров земли. И не заметишь ведь сразу, среди травяных зарослей.

– Ну, Николай, не ожидала от тебя, – сказала Вера, вернувшись. Губы ее были поджаты. – Как не стыдно-то тебе, а?

– Да ты сама рассуди, Вера, – сказал сосед проникновенно. – Ты дачей не занимаешься, тебе все равно. Собиралась продавать. Придут чужие люди, так что, для них беречь? А я вот по-соседски, как бы взял попользоваться. Никто и не заметил. Да вот, видишь, какой пришел паренек – глазок-смотрок. Родственник твой, что ли?

– Пашин племянник.

– Ну тогда понятно, – кивнул Николай. – Родная кровь.

– Значит, договорились – заборчик двигаем обратно, и без обид, – подытожил Леня.

– Да двинуть его недолго, только видишь, Леня, я землю-то обработал, унавозил... Ты бы мне хоть бутылку за труды поставил, что ли.

– Дядь Коля, я вам бутылку с удовольствием поставлю, но не за навоз, а так, по-соседски. Навоз – это ваши проблемы. Договорились?

– Ну ладно, парень.

Они ударили по рукам и разошлись. Вера видела, что Николай, хоть и жалко ему земли, нисколько не обижен, а даже наоборот, доволен: у него толковый сосед появился. Потому что земля землей, а человек важнее.

Леня вел себя так, словно все уж у них насчет дачи было решено, хотя они с Верой еще и не говорили: сколько, чего, когда... Он попросил разрешения надеть рабочий комбинезон Павла, переоделся и куда-то направился быстрым шагом. Лицо его было хмурым и сосредоточенным.

Вера вымыла на ручье посуду, и пока Леня ходил по делам, они с Наташей стали готовить обед.

– И сколько лет тебе, красавица?

– Двадцать пять скоро.

– Лёне уж тридцать. Так. Детей-то заводить думаете?

– Да ему все некогда, Вера Ивановна, – улыбнулась Наташа. – Бегаёт все... торопится куда-то. Никак не может решиться.

– Смотри, поздно будет. Я вот в молодости прождала...

– Да я бы хоть сейчас...

– Ну так и чего? Смотри, какая ты... добрая – ведь только и рожать. Пусть он бегаёт, а ты дело свое знай.

– Я уже говорила ему, Вера Ивановна. Вот потому мы и дачу покупаем, с расчетом на детей. Я попросила. Ему еще немножко надо времени, и он будет уже совсем готов, определится. Успокоится.

– А хочешь, я тебе помогу?

– Как?

– Приезжайте сюда завтра, все окончательно решим. Ну а сейчас... куда он там подевался, бегун-то наш?

Леня уже тащил от соседа кусок стекла и алмаз. Быстро вырезал стекло по размеру, вставил в раму. И сразу тревожный сквозняк исчез, что-то прежнее появилось в доме, уверенность, надежда. Казалось, сами стены взмолились: пусть этот парень остается здесь, не отпускай его!

Сели обедать.

– Леня, а чего ты к Павлу-то приезжал тогда? – спросила Вера. – Я и не знала.

Он усмехнулся горько.

– Да вот, тетя Вера, когда отец мой умер... я вдруг решил, что остался единственным мужчиной в роду Силантьевых. Испугался немного. А потом вспомнил: да как же, ведь дядя Паша!..

– Хорошо поговорили?

– Хорошо. Я потом еще несколько раз приезжал к нему. Вроде как отца живого видел...

Тут Леня замолчал, а продолжать разговор на эту тему не стал.

– Я Наташе сказала уже – приезжайте сюда завтра. Отдохнете, в бане попаритесь, а потом все и решим.

– А сейчас что, не успеем, тетя Вера? Времени полно...

– Давай приедем завтра, Леня, – мягко попросила Наташа, взяв его за руку, и он, недовольно вскинувшийся было, тут же попригас.

– Баня – это здорово... Ладно, завтра, так завтра.

Вера в тот день домой не поехала. Когда Леня с Наташей отбыли восвояси, она вооружилась косой и стала приводить участок в порядок. Слава богу, дни стоят длинные, много можно успеть. Выкосила, сгребла в яму траву и накопившийся мусор. Подровняла дорожки, навела порядок в туалете. И самое главное – убралась в бане, вымыла все, выскребла. Наносила воды. Дрова были запасены еще у Павла, сухие, хоть сейчас печь растапливай. Вера

сходила в ближайший березнячок и нарезала два отличных веника. А уж только потом стала прибираться в доме.

Так что ночью спалось ей прекрасно, после всех трудов праведных не понадобились и таблетки – легла и как пропала, не чувствуя усталости и боли. Даже снов не видела. Только под утро пришел Павел, сел рядом на кровать и ласково погладил Веру по плечу. Давно им надо было встретиться, о многом поговорить, но на рот словно глухая повязка упала. У нее даже не было сил спросить, правильно ли она решила продать дачу Лёне, но вроде и так было видно, что Павел доволен.

Вера проснувшись окрыленная и с новыми силами взялась за работу. Затопила баню, полчаса промучившись с печкой. Посидела внутри на гладко обструганной лавке, всплакнула, припомнив былые деньки. Ладно, чего ж теперь...

Леня и Наташа только ахнули. Ведь еще вчера здесь было необитаемое пепелище, а сегодня не узнать – дом домом!

– Это не моя заслуга, это все Павел. Он строил, а я только прибралась да почистила, – смущенно оправдывалась Вера. – Ну так что, пить-есть хотите? Нет? Тогда марш париться!

Она проследила, как Леня с Наташей исчезли за тяжелой дверью, и мирно уселась в доме, сложив руки на коленях. Теперь можно было и отдохнуть. Да вино в ручей положить, остудить...

И пока сидела, вспомнилось ей: однажды по осени ночевали они в этом доме с Павлом и вдруг услышали, что по их участку кто-то ходит и явно картошку выкапывает. Осенью это дело обычное. Павел тогда схватился за топор, хотел бежать и убивать, глаза у него сделались совсем белые, безумные, но Вера в него вцепилась клещом, даже шумнуть не дала... Так и просидели, слушая, как неспешно деревенские мужички (а кто ж еще, больше некому) покопались в грядках и через полчаса ушли. Утром Павел недосчитался нескольких бороздок лучшей картошки, да сняли у него последние огурцы. Зато живы-здоровы остались, говорила Вера, слушая, как он сокрушается по этому случаю.

Потом они договорились с соседями повесить на дерево возле дороги кусок рельса, чтобы в случае чего ударить, позвать на помощь, отпугнуть воров... Надо Лёне сказать, чтобы осторожнее был, и про рельс этот. А еще про того настырного покупателя. Совсем не нравился Вере их последний разговор, и рожа его разбойничья не нравилась. Хотя и времени много уже прошло, да вдруг выжидает, гад, специально, а потом возьмет и подпалит? С такого станется.

Молодые Силантьевы парились долго, Вера даже заскучала. Наконец вышли – благодатные, раскрасневшиеся, без сил. Поглядывали друг на друга тем особым взглядом, который Вера и сама хорошо знала.

– Ну, прошу за стол, у меня обед готов... После бани все продай, а стопку выпей – так, что ли, люди говорят?

– Так, тетя Вера, – согласился Леня, усаживаясь на излюбленное место Павла. Он взял бутылку вина, повертел в руках. – Ох, и хороша банька. Дядя Паша знал, что делал.

Он новым взглядом смотрел теперь вокруг, на свою будущую землю. Хотя он и настроился на покупку вполне серьезно, но все могло быть отменено и забыто еще нынешним утром.

А вот сейчас уже нет.

Выпили.

– А теперь так я вам скажу. Продам дачу недорого (тут Вера назвала сумму, необходимую для покупки пальто и сапог, и ни копейки больше), но хочу попросить, чтобы вы мне тут, если не жалко, одну грядочку оставили, я тоже сажать чего-нибудь буду. И один комплект ключей...

– Без вопросов, тетя Вера, – кивнул Леонид. – Если хотите, можем вообще все вместе сажать, без разделения. Мы ведь не чужие люди. Вам-то одной, наверное, с непривычки трудно будет.

– Пока еще не знаю, возможно, и вместе, – согласилась Вера. Это предложение племянника было ей приятно. – Там увидим. Согласны?

– Конечно, – сказал Леонид. Он достал из кармана пачку денег, отсчитал купюры. – Держите. Оформим потом.

То, что Леня сразу, до подписания бумаг, передал ей деньги, для Веры было знаком полного доверия. Она поняла, что поступила правильно.

– Ну, вот вам ключи, владейте, хозяйствуйте... а я в город.

Вера знала, что летом пальто продается со скидкой – не сезон – и поспешила на рынок. Ей повезло, она нашла точно такое, как в универмаге, только чуть не вдвое дешевле, и приличного качества. Ну, слава богу, теперь перед людьми не стыдно будет показаться.

На своей грядке она в тот год ничего серьезного не посадила, было уже поздно. Так только, сеяла быстрорастущий салат да стригла ножницами – витамины. Зато осенью, сверяясь с умной садово-огородной книжкой, подготовила землю к новому сезону основательно. Если уж решила хозяйствовать, пусть и на скромном пяточке, то надо знать дело от и до. За первой книжкой последовала другая, третья...

Да выяснила еще совершенно случайно, что тот страшный настырный покупатель, оказывается, их сосед. Пошла как-то спичек попросить...

– Огоньку тебе, бабка? – спросил кривоносый, открыв дверь. – Будет тебе огонек.

Вера обомлела и, пятясь, чуть не падая, вылетела на улицу. Вот оно что, оказывается. Теперь все понятно... Но она как-то поуспокоилась после этого случая.

Леня с Наташей в тот год тоже все силы посвятили не огороду, а дому, и он заблистал, заиграл, как при Павле, даже еще краше. И Вера приезжала туда при каждой возможности. А что, не дома же торчать, паяться в глупый ящик. Тут все-таки воздух свежий, люди молодые, здоровые... Возле них она и сама себя чувствовала моложе, и сил как будто прибавлялось.

Сначала она опасалась, не будет ли мешать молодым, но увидела, что не мешает нисколько. У Лени никого из родни не осталось, а Наташины родители жили в другом городе, так что получалось, Вера у них единственный представитель семьи старшего поколения. Вроде как мама, или свекровь, или теща – все в одном лице.

Пили как-то с Наташей чай на веранде, и Вера словно невзначай поинтересовалась:

– Ну и на когда назначено?

Наташа покраснела.

– Уже заметно?

– Заметно.

– Говорят, конец марта или апрель.

– У тебя все в порядке?

– Да вроде бы нормально...

– Ну и слава богу. УЗИ делали? Мальчик, девочка?

– Мальчик.

Вера скупо улыбнулась.

– Леня-то рад?

– Ой, рад. Полчаса по стенам бегал, когда узнал!

– Это хорошо. И как назвать думаете?

Наташа посмотрела на нее долгим внимательным взглядом.

– Я вот думаю – Павлом, – решила Наташа. – А как Леня, пока не знаю.

Вера кивнула.

За эту зиму она стала крупным специалистом в садово-огородных делах, изучила всю доступную литературу и с нетерпением ждала весны, чтобы применить свои познания на практике. Она понимала: молодым будет не до того, Леня сможет лишь изредка приезжать и помогать ей – разве только землю вскопает, а дальше придется самой. Но теперь это было ей вовсе не страшно. Она не одна. Есть ради кого трудиться.

Годы потекли плавно и незаметно. Вроде только что дом отремонтировали – глядь, уже по участку весело забегал маленький мальчонок. На лето Вера полностью переселялась теперь на дачу, и Павлуша жил там у нее, как у Христа за пазухой. В городе – удивительное дело! – чуть сквозняк дунет – у ребенка уже сопли, кашель, а тут он босиком, под дождем – и хоть бы чихнул, загорелый весь, как азиат, стройный, умница, красавчик, все девки его будут...

На зависть соседу Николаю Вера выращивала на своем участке отличные урожаи. Разумеется, не одна выращивала, вместе с Леной и Наташей – но все под ее чутким руководством. А потому что по науке, по книгам, не абы как.

– Откуда что взялось в тебе, Вера, – говорил сосед, покачивая головой. – Ведь и не умела ничего. Полюбила тебя земля.

– Научиться при желании всему можно. А вот насчет земли... как тебе не стыдно было забор-то двигать, агрессор?

– Ну, ты мне этот забор еще двадцать лет вспоминать будешь, – досадливо морщился сосед и поспешно уходил.

– А ты как думал, – бормотала она ему вслед и внимательно оглядывала свою вишню. Да, пожалуй, можно уже снимать ягоды, делать варенье.

Накануне первого сентября Леня с Наташей уехали в город (завтра Павлуша идет в первый класс, дел невпроворот), а Вера обещала приехать с утра пораньше, не опоздать на такое торжество.

– Вы тут поосторожнее, тетя Вера, – сказал Леня.

– Да кому я нужна, – Вера досадливо отмахнулась.

– Нам, – сказал Леня и уехал.

Часов в девять вечера она вышла на улицу, посмотрела в поле. Над извивами ручья уже встал легкий туман. С каждой минутой этот туман становился гуще и начинал растекаться из камышей в стороны. Растекался, растекался, пока не залил молоком все поле. Завтра похолодает. Как-то Павлуша там на школьной линейке стоять будет? Только бы Наталья одела его как следует...

Ночью пожаловали незваные гости. Наверное, днем высмотрели, что бабка тут одна осталась, сделать ничего не сможет, а соседи вряд ли прибегут, каждому своя шкура дорога. И чувствовали себя в чужом огороде вольготно. Посмеивались в сторону дома – дескать, бабулька, сиди тихо.

А Вера крепко спала, умаявшись днем, и не слышала ничего до тех пор, пока воры не стукнули сильно лопатой о ведро. От этого звука Вера проснулась и только тогда поняла, что происходит. Картошку у нее выкапывают! Люди, помогите!.. Да нет, что люди. Надо самой действовать.

Она вскочила с дивана и взяла вилы, стоявшие на всякий вот такой случай рядышком. Минутку подождала, пока глаза привыкнут к темноте, а потом решительно вышла на крыльцо.

Туман, почти ничего не видно. Несколько метров перед крыльцом, освещенным слабой лампочкой, и все.

Воры притихли в первую минуту.

– Кто это там балует? – громко спросила Вера, щурясь во тьму. Ага, разглядела два силуэта на картофельных грядках. Больше вроде никого нет.

– Иди, бабка, в дом да запишись на замок, – посоветовали ей с картошки. – Как бы не обидеть тебя ненароком.

Вера выключила свет и громко хлопнула дверью, давая понять, что все сделает, как ей сказано. Робкая старушка, дрожа, укрылась в хлипких стенах. А сама покрепче ухватила вилы и, выставив их вперед, медленно пошла по грядкам вокруг дома. Решила обойти врага с тыла. Пару раз чуть не упала, но каким-то чудом удержалась на ногах – шуметь сейчас было нельзя.

Мужик стоял с лопатой над картофельным боровком и ждал, пока его баба собирала клубни. Вроде все спокойно.

– Спряталась бабулька.

– Ага. И что эти городские так за свою картошку трясутся? В магазине же все можно купить. А у нас в колхозе ни денег, ничего... Жлобы! – сказала женщина.

Мужик внаглую собрался закурить, чиркнул спичкой... Увидев его кривой нос, мгновенно узнав, Вера пулей метнулась вперед. Мужик сейчас ничего не видит, ослеп от огня, а ей-то самой лучше момент и не придумать – воры как на ладони. Она с размаху выбросила вилы вперед, целясь мужику в ляжку.

Нечего здесь курить, это моя земля, гад ты такой!

Гнутые стальные зубья легко вошли в мягкое.

Понесся над дачами, участками и ближайшим леском лютый вой, мужик крутанулся на месте, вырвав вилы из ее рук, и взмахнул лопатой наугад. Вера почувствовала, как в голову ей ударила молния, чиркнула по лбу и правой щеке. Она упала на колени в мягкую землю, оперлась руками, а потом легла. Было больно и радостно – она слышала топот убегающих воров, и один из них сильно хромал.

Победа! Самая настоящая победа! И то ли показалось ей, то ли правда – над полями вдруг понесся колокольный звон. Частый-частый набат, такой желанный сейчас и необходимый. Откуда здесь колокол, удивилась Вера, до ближайшей церкви километров десять, да и ночь... Это же в рельс бьют, догадалась она. Люди здесь. Люди. Она не одна.

Упертый Рассказ моего приятеля

...Пистолет ему был совершенно не нужен, но он его зачем-то взял и купил. Газовый, почти боевое оружие. Предложили – и не смог отказаться. Видимо, что-то внутри пробудилось, потребовало отдать честные трудовые деньги за машинку, весь смысл которой состоял в фыркание гнусным газом, раздражавшим слизистую носа. Эта пукалка походила на настоящий пистолет, и в душе старика хищно взвыли древние боевые трубы, до того спавшие вполне мирно. Он и раньше ощущал нечто подобное, когда ему в руки попадал особенно удобный нож или подходящий обрезок арматуры, но с пистолетом теперь все это было не сравнить.

Впервые в жизни он взял пистолет, сжал его рукоятку, медленно поднял и, старательно щурясь, прицелился во что-то. Вдруг окружающий мир резко изменился. Мир стал сказочно прост и доступен, все его тайны растворились без следа. Все было можно, и все требовало присутствия человека с оружием. Первозданный, вечный хаос становился неожиданно упорядоченным под дулом пистолета. Человек понял, что уже никогда не сможет расстаться с ним. Все решилось мгновенно.

Тесть моего приятеля стал носить пистолет в кармане.

Старик был, что называется, упертый, он моего приятеля не раз удивлял своей простотой. Если чего-то не хотел, то уж готов был сдохнуть, а не делать этого. А то кобенился. Или блины ему были несладкие, или творог несвежий. Жене своей тарелку со щами на голову любил иногда надеть для порядку. Бывало, полчаса не выйдет к столу, к гостям, хоть ты что. Пока его шесть раз не позовут слезно. Ну и вообще...

Про таких говорят: он страха не боится, потому у него и зубы редкие.

Баран, короче.

Иногда на виду у всего двора он подходил к своему древнему «Запорожцу», небрежно совал пистолет в задний карман брюк, картинно отбросив полу пиджака, и говорил что-нибудь вроде: «Ну... поеду разберусь с ребятами». Такой ковбой. Дети смотрели на него восторженно. Взрослые крутили пальцем у виска. А он заводил машину, ехал куда-нибудь часа на два и возвращался невозмутимым героем, только что пристрелившим парочку негодяев.

Если в первом акте пьесы на сцене висит ружье, оно когда-нибудь должно выстрелить, учит классик. Так было и с тестем моего приятеля. Пистолет, постоянно носимый в кармане, неким особым образом воздействовал на психику этого человека. Старик начал искать случай применить его, может, вовсе и не отдавая себе в этом отчет. И, разумеется, нашел.

Проходя однажды вечером мимо гаражей, стоявших на отшибе, он заметил, как две подозрительные личности что-то от этих гаражей волокут. Уже темнело, вокруг, разумеется, никого не было. Тесть оказался лицом к лицу с этими людьми. Почему-то он сразу решил, что они – преступники.

Силы явно неравные, и в другой ситуации старик сто бы раз подумал, прежде чем что-то предпринять. Но пистолет в кармане жег ему тело, просился наружу. Тесть, надо сказать, никогда не считал себя особо законопослушным человеком, он и сам при случае не стеснялся увести то, что плохо лежало – туда, где оно будет лежать лучше. В общем, он был совершенно нормальным человеком, совсем как мы. Как и мы, он всю жизнь работал на заводе. Принадлежал заводу. Просто так случилось: в кармане у него лежал пистолет, а на ловца бежал крупный зверь.

Тесть моего приятеля решил изобразить из себя полуночного борца с преступностью. Он вытащил пистолет из кармана и скомандовал подозрительным личностям поднять руки вверх.

Это были отец и сын. Отец был майором компетентных органов, реальным героем невидимого фронта, постоянно имел дело с разнообразным оружием и сразу увидел, что пистолет газовый, а держит его старик, который не понимает, что делает. Сдаваться смысла нет. Да и перед сыном ему было бы стыдно продемонстрировать свое бессилие, непедагогично как-то. Так что, обложив старика матом, майор велел опустить оружие.

Тесть моего приятеля, хотя и плохо понимал, что делает, однако если уж что-то начинал, обычно старался довести это до конца, пусть даже вопреки здравому смыслу. «Мое слово крепко!» – любил, бывало, повторять он. И, размахивая пистолетом, начал стыдить гадское ворье, которое тащит все подряд. Он волновался, брызгал слюной, слишком близко подступал к своим задержанным и тут же отскакивал от них, опасаясь ответных действий. Опасался он не зря. Майор слушал-слушал, утирал с лица чужую слюну, орал что-то в ответ, закрывая грудью своего отпрыска, а потом вдруг мгновенным движением выхватил пистолет из руки старика.

Тот изумленно уставился в свою пустую ладонь, не веря, что мог вот так легко попасться. Ключнул на обычный прием – переговоры затягиваются, после чего следует быстрая силовая акция. И тут задержанный предъявил ему удостоверение компетентного сотрудника и потребовал документы и разрешение на пистолет.

Разрешения, понятно, у тестя не было. Но был паспорт законопослушного гражданина России. И этот паспорт представитель органов у него конфисковал. А перед этим вместе с сынком, который был едва ли не здоровее своего круглового, литого папаши, хорошенько намял бока тестю моего приятеля, дабы неповадно было ему впредь разгуливать по ночам с оружием и задерживать не тех, кого надо.

Вернувшись домой без документов и пистолета, потеряв часть заоблачного самомнения, старик долго не знал, что ему теперь делать. Без паспорта в нашей стране никуда, а мстительный майор не желал его возвращать.

Старик несколько раз ходил на поклон к представителю доблестной спецслужбы, но тот и слушать не хотел пенсионера. Ишь ты, завладел оружием (без всякого разрешения, регистрации, да и вообще – если у каждого будет пистолет – на кой черт тогда нужны спецслужбы!!!) и тем более заарестовал его так неловко, когда арестовывать людей было обязанностью майора.

Поиздеваться над стариком, видно, было ему в кайф. В тюрьму сажать глупца вряд ли стоило. Наверное, компетентный сотрудник в скором времени все же отдал бы паспорт, однако терпение у старика лопнуло раньше.

Его чувства понятны. Пойманный на глупости, лишенный документа, он как бы перестал существовать в качестве полноценного гражданина своей страны. А ведь всю жизнь валтузил, как папа Карло, платил налоги, из которых немалая часть шла на содержание тех самых органов!..

Да и что они делали там, у гаражей – может, в самом деле сперли чего? Обидно, очень обидно. «Мент поганый! – ругался старик. – У-у, волчара!»

В один из вечеров мой приятель, придя к своему тестю, застал его порядочно пьяным, расхаживающим по квартире с глуповато-хитрой усмешкой и грозящим кому-то указательным пальцем левой руки. В правой руке он демонстративно держал гранату «Ф-1». То бишь «лимонку».

Гость остолбенел.

– Уж не на мента ли вы собрались, папа? – Но папа не отвечал и на все уговоры спрятать или лучше совсем выбросить эту дрянь только загадочно усмехался, крепко сжимая в ладони

ребристую гранату. Пытаться отнять у него очередную игрушку было себе дороже, и мой приятель, высказав папе все, что о нем думал многие годы, плюнул, повернулся и ушел. Его терпение тоже было не бесконечным. Достал, просто достал воинственный пердун!

Дальнейшие события можно в подробностях восстановить по милицеским и судебным протоколам. Дело в общих чертах выглядело так.

Вечером тесть в очередной раз явился на квартиру к майору и потребовал вернуть ему паспорт. Тон его был сух и деловит, а поза по-прежнему горделива. Майор удивился – с чего бы эта ветхозаветная шпана прет таким буром, лезет чуть ли не с ультиматумом – но сдаваться сразу не собирался, для начала послал старика подальше, обещал оставить его навсегда беспашпортным и бесштаным и хотел уже вытолкать деда за дверь, но тот неожиданно извлек из кармана гранату, которую давно держал там в полной готовности к действию.

– Если сейчас не отдашь паспорт – получишь вот это, – внятно пообещал старик. Рука его слегка тряслась от волнения и праведной злости. Майор, как человек, уже поднаторевший в общении именно с этим террористом, опять начал заговаривать ему зубы и мысленно прокачивать возможные варианты действий, но дед дальше ждать не стал. Он бросил гранату под ноги своего врага и сложил руки на груди подобно Наполеону, наблюдающему маневры гвардии. На себе он, видимо, поставил крест, но ничуть об этом не жалел. Главное тут было – чтобы майор понял, как он ошибся.

Пинком ноги майор забросил гранату в маленькую комнату своей «двушки», где как раз никого не было (жена и сын сидели на кухне, пили чай), захлопнул дверь и увлек за собой старика, падая на пол. Одновременно он крикнул своим, чтобы ложились. Дисциплинированная майорская семья мгновенно выполнила команду.

Грохнул взрыв. Вылетела дверь комнаты, принявшая на себя град осколков, остальные двери распахнулись настежь. Вылетели все окна в квартире. Но люди не пострадали благодаря профессионализму майора.

Ну, дальше было следствие, суд...

Зачитывались характеристики на майора, на тестя. Майор выглядел в этих бумагах ангелом, тесть – монстром, хотя сорок пять лет проработал на одном месте, не имея нареканий, а одни лишь благодарности и почетные грамоты...

Прокурор сказал замечательную речь. «Такие, как этот человек, не имеют права находиться среди нас...» Адвокат что-то промямлил в ответ.

Тестю дали шесть лет, под старую-то задницу.

Очень характерно было последнее его слово. Возвысившись над ограждением, словно герой-революционер, обличающий царский произвол, он длинно обматерил майора, ударил левой рукой по сгибу правой и непристойно помахал ею перед собой. «Понял? И так будет всегда! Мое слово крепко!» Кажется, он действительно решил, что дело выгорело. Сказал все, что хотел, устроил демонстрацию как невинно пострадавший... Возможно, всю жизнь мечтал сыграть эту роль.

Майор лишь бледно улыбнулся в ответ. Плевать ему было на весь этот спектакль. Главное – закатать своего врага на подольше.

Вроде бы все даже остались довольны.

Старику за мелкое хулиганство в зале суда накинули еще месяц, но он не обратил на это никакого внимания.

Теперь вот сидит, ждет. Наверняка выйдет раньше. Таких дисциплинированных трудяг – поискать...

Обратная тяга

Рассказ

Утром, когда Крюков поехал на работу, было еще темно, и непривычно, что темно – вышел из отпуска, последние полтора месяца так рано ни разу не просыпался. На работу идти совсем не хотелось. Он толком и не отдохнул. А ведь сколько ждал этого отпуска, целый год мечтал: вот буду каждый день по грибы ходить, поеду за клюквой на болота, костры стану жечь, печь в углях картошку, слушать охотничьи рассказы. Но что-то никуда так и не выбрался. Половину времени пролежал на диване, уставившись в телевизор, потом лениво читал скучный английский детектив – нашел в шкафу старую толстую книжку, потом мать с отцом затеяли мелкий ремонт по дому, и пришлось помогать... Так бесценные отпускные дни проскочили незаметно, оставив в память о себе чувство глухого раздражения и неудовлетворенности. Теперь свобода наступит только через год. И этому короткому месяцу нужно было принести в жертву триста тридцать тоскливых дней.

Хмурое, небритое утро нагоняло тоску. Было к тому же холодно – середина октября; погода стояла отвратительная. Ветер дул вроде и не сильно, но все время в лицо, и был таким ледяным, что Крюкову казалось, будто он плывет под водой. Ветер безжалостно срывал с деревьев вдоль дороги остатки ржавой листвы. В воздухе ясно слышался запах близкого снега. Долговязый Крюков, косолапо шагая к остановке, отбрасывал нелепую, вытянутую до бесконечности тень в свете усталых утренних фонарей.

Настроение у него в то утро было хуже некуда.

На остановке автобуса он дождался «девятку», успел захватить место у окна, чтобы не пришлось уступать кому-то, и закрыл глаза, надеясь заснуть минут на десять, но заснуть не удавалось, и он прекратил бесполезные попытки. Глаз, однако, не открывал. Вскоре немного согрелся, и тогда сонливость начала одолевать его. Вдруг он увидел себя сидящим на земле на деревенском выгоне в своем родном Лыкошеве, где не был уж лет пятнадцать, а над головой его стоит чистое и высокое бирюзовое небо, рассеченное журавлиным клином. И второй клин журавлей, поменьше, приблизился к первому и мягко влился в него. Печально переключаясь, дальше птицы летели уже вместе, словно всегда были одной стаей.

Внезапно проснувшись и настежь распахнув глаза, он убедился, что едва не проехал свою остановку. Автобус как раз тормозил.

Крюков вскочил и начал проталкиваться через людей. Как назло, никто впереди него выходить не хотел, всем нужно было куда-то дальше, дальше... Он почти уже раздвигал руками людскую массу, вызывая ее недовольство. «Поосторожнее нельзя?» – хмуро спросил крепко сбитый низкорослый мужик. – «Извини». – «Ой, вы же мне на ногу наступили!» – «Простите, мадам, не хотел». – «Ты что, трахнутый? Куда прешь?» – возмутилась какая-то бочкообразная тетка. Связываться с ней было глупо. «Уймись, бабуля», – попросил он, оттирая ее в сторону. «Бабуля!» – передразнила она, отворачиваясь. И тут заметила женщину, которая следовала в его кильватере. Ей тоже нужна была эта остановка. На женщину-то тетка и обрушила всю свою неведомо откуда взявшуюся злобу.

– Ты здесь не пройдешь, – сообщила она дрожащим от ярости голосом.

Женщина даже опешила от такого заявления. Сразу на «ты» и с места в карьер.

– Как это я не пройду? – спросила она. – Что же мне, дальше ехать?

– Ехай. А здесь не пройдешь. Или вон иди в другие двери.

– Там вообще не пробиться...

– А мое какое дело?!!

– Уймись, бабуля, – еще раз попросил Крюков, обернувшись. – Ишь, партизанка. «Но пасаран!» Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Женщина кое-как протолкнулась мимо kloкочущей от злобы ведьмы (та на прощанье угостила ее локтем в бок), и они вывалились из автобуса на улицу. В спину им понеслись проклятия, и только захлопнувшиеся дверцы оборвали этот бесконечный поток ненависти.

– Спасибо, – повторила женщина, робко коснувшись его локтя. – Не знаю, что бы я без вас делала. Впервые вижу такое чудо.

– Да. Редко попадаются хуже.

– Кошмар... У вас спичек нет?

Он вытащил коробок, чиркнул, прикрыл огонь, и туда, в его широкие ладони, она погрузила лицо, словно какая-то птица, берущая корм с руки; дрожащая бледная сигарета после нескольких попыток наконец задымилась, а женщина жадно втянула дым, боясь, что хоть малая часть его бесполезно рассеется в воздухе. Она передернула плечами, на мгновение закрыв глаза, и вот из ее легких вместе с дымом исторгся какой-то тяжелый полустон-полувздых.

– Гос-споди, – выдохнула она.

Похожа на пичугу, снова подумал Крюков. Брюнетка, прическа типа «воробьиный выщип», сама невысокая, легкая, почему-то не по погоде одета в облегающий брючный костюмчик – вот-вот, взъерошив перья, унесет ее порыв ветра. Общая незащищенность, нервно-фигурность, готовность к тому, что оскорбят – и никто не поможет. Конечно же, на нее мгновенно находится злодей. И Крюков, удивляясь себе, расправил плечи, натянул на лицо маску полного спокойствия и уверенности, в движениях его даже возникло нечто покровительственное. Но хотя это была только маска, он вдруг понял, что чувствует себя рядом с этой женщиной настоящим. Самым настоящим! Маска быстро приросла к его коже, став полноценной частью тела. Снять ее теперь он не мог. Он и ростом словно стал еще выше, приподнялся над землей...

Им оказалось по дороге.

Переходили железнодорожные пути. От ночного заморозка шпалы заиндевели и были серебристыми, а земля между ними осталась черной, она казалась еще чернее от соседства серебра.

– Как будто клавиши бесконечного рояля, – неожиданно сказала женщина.

– Что? – не понял он, а потом, присмотревшись, изумленно кивнул. – Действительно, как красиво! Вот так ходишь, ничего не замечаешь... Вы что, играете на рояле?

– Да, это моя основная профессия – музыкальный руководитель... До свидания. Мне сюда, – она указала на проходную завода. – Надеюсь, еще увидимся с вами.

– Обязательно. Я езжу здесь каждый день в это время.

– Правда? А я вас что-то не видела.

– Последний месяц я был в отпуске, – сказал Крюков. – Вы, наверное, недавно здесь работаете.

– Недавно, – подтвердила женщина. – Значит, будет кому защитить меня при случае.

– Можете на это рассчитывать, – серьезно пообещал он. – Слушайте, а что музыкальный руководитель может делать на заводе?

– Подметать цех. Иногда, видите ли, очень хочется кушать, а музыкой теперь не проживешь.

– Понятно, – сказал Крюков.

Женщина ушла. Он смотрел ей вслед, вспоминая ее лицо. Что-то в этом лице было необычное, располагающее к себе... Потом его взгляд по привычке обшарил фигуру жен-

щины, и Крюков отметил: все при ней. «А как зовут, не сказала!» – с внезапным сожалением подумал он.

Женщина, видимо, была на несколько лет старше.

Крюкову недавно исполнилось двадцать три. В последнее время, слегка уже нагулявшись, он смотрел на каждую новую женщину с интересом фаталиста. Не это ли моя жена, думал тогда Крюков. Вернувшись три года назад из армии, он был весел и беспечен и сменил много подруг. Но довольно скоро убедился, что все женщины разные лишь поначалу, а потом становятся совершенно одинаковыми. Так что постепенно Крюков решил: совсем не обязательно стремиться залезть на каждую из них.

Он еще раз посмотрел ей вслед. Лицо... Что же такого было в нем? Женщина все словно стояла перед ним, произнося своим глубоким, чуть хрипловатым голосом «Спасибо» и осторожно прикасаясь к его руке... Крюков досадливо боднул лбом воздух и пошел дальше.

Вдали виднелась привычная труба его завода (заводы здесь тянулись один за другим). Едва взглянув на нее, он сразу опустил глаза в землю. Как и раньше, труба неумоимо высасывала из неба толстый столб белесого пара. Ее суставчатое тело было похоже на указательный палец страдающего артритом великана, которому порядком надоело мельтешение человечешек внизу, и вот он лениво ткнул и придавил нескольких зазевавшихся. Потянуло знакомым противным запахом, в котором намешаны были перегретая резина, сажа и машинное масло, а для пикантности к букету добавили дым горящих сварочных электродов.

Работал Крюков слесарем. Устроился сюда после армии совершенно случайно. Крутил гайки, стучал молотком, пачкал руки в солидоле. Иногда работы у него бывало много, иногда целыми днями приходилось бездельничать. Но и при запарке, и при безделье он знал, что от него ничего не зависит. Есть он на месте или нет – безразлично. В прошлый раз, год назад, когда он вот так же вышел из отпуска, у него было приподнятое, праздничное настроение – до тех пор, пока он не увидел на своем рабочем месте другого парня, Заварзина. Тот справлялся с его делом ничуть не хуже. И вообще, начальство заметило, что Крюков явился на работу, только ближе к вечеру. Это было почему-то неприятно.

Вот и сейчас он не ждал ничего иного.

Уже несколько раз он всерьез подумывал бросить все, перейти работать в какое-нибудь другое место, но не знал, чего ему в действительности хочется. И вот это тянулось уже который год, все накручивая и накручивая раздражение в душе Крюкова. Томительно, тоскливо было ему сейчас идти к себе в раздевалку, зевая и злясь на раннее пробуждение. Спецовка ждала его там, как верная, но нелюбимая жена. И носить ее еще целый год...

Он не радовался ничему, даже веселые возгласы мужиков, которых давно не видел, не расшевелили. Его поздравили с праздником. «С каким это?» – «Как же – первый рабочий день!» – «А-а...» Едва поздоровавшись и скупно ответив на обычные вопросы, он быстро переоделся и ушел к себе. Поставил чайник, дождался, пока тот вскипит, сделал заварку покрепче и, неторопливо прихлебывая, стал вспоминать, что хорошего было у него в отпуске, о чем можно рассказать мужикам. Получалось, что рассказывать нечего. «Надо будет выдумать что-нибудь, – уныло решил он. – Скажу – пил почти все время. Поверят...» Его почему-то начала бить легкая дрожь, словно от озноба, и он глушил чай стаканами, снова и снова разогревая его, и никак не мог справиться с собой.

За окном медленно, тягуче рассвело. Крюков посмотрел вокруг себя, на стены, на верстак, внимательно изучил потолок. Все было по-прежнему, как месяц назад, как три года назад. Он осторожно поднес к губам стакан с горячим чаем, замер на мгновение, а потом резко толкнул стакан от себя, так что тот, плеская, заскользил по столу и едва не свалился.

«Не могу, не могу больше! Не хочу быть здесь! Не хочу смотреть на это все, не хочу этого видеть изо дня в день! Не хочу ничего этого! Господи! Что мне делать? Сейчас придут, работу принесут какую-нибудь – что я им скажу?.. Ох, плохо, плохо мне, невместно!»

На его счастье, никто не шел – не было работы. И он сидел на жестком вертящемся табурете, положив руки на стол, тосковал о чем-то, а о чем, и сам не знал. И даже сидеть ему было неудобно. Хорошо бы прилечь возле стеночки, прикрыть глаза. Но для этого нужна лавка. А лавки у них в цеху не было, не обзавелись.

Минуты текли, плавно сливаясь в часы. «Хоть бы домой поскорее!» Но даже еще до обеда было далеко. Крюков вздыхал, томился, мрачно озираясь исподлобья по сторонам. «Глаза бы мои не глядели! Все, пишу заявление, хватит!» Он стал рыться в ящике стола, отыскивая чистый лист бумаги.

В цеху словно бы стало темнее.

Наконец он вытащил старый желтоватый листок и, прикусив язык, начал выводить: «Начальнику производства... от слесаря... заявление... прошу... по собственному желанию...» Покурил, глядя на дело своих рук. Оставил заявление на столе и пошел размяться, побродить, завернуть к кому-нибудь в гости. Ему вроде полегчало теперь, когда мысль об увольнении материализовалась на листке бумаги. Словно что-то громоздкое, давно стоявшее на одном месте и вросшее в землю, вдруг двинулось и стало постепенно набирать ход.

Крюков шел мимо сварочного участка. Знакомый газорезчик, пристроившись на табуретке, стоящей на листе толстого металла, прорезал в нем отверстие. Мощная газовая струя, с оглушительным шипением ударяясь в лист, выбрасывала прямо вверх, из-под самых рук парня, столб расплавленных капель. И удивительно было, что ни одна из этих капель не попадала ни на спину, ни на руки, ни на голову резчика, а он сидел, словно заговоренный, в легкой рубашке с засученными рукавами вместо толстой жаркой робы, нарушая все инструкции, и, казалось, не обращал внимания на опасный фейерверк. Капли, волнами падая вокруг него, взрывались, разбивались на мелкие искры, и все это было похоже на отчаянный танец слегка нетрезвого человека. А парень сидел как будто внутри защитного поля, отталкивавшего раскаленные капли. И это действительно было поле – поле опыта, долгих упражнений и постоянного труда.

Недалеко стоял другой парень в сварочной робе, внимательно наблюдавший за действиями резчика. А, понятно, ученика дали... давно пора.

Наконец газовая струя пробилась толщу листа, с глухим ревом вырвалась снизу ослепительным снопом и загуляла, зафырчала удовлетворенно, мгновенно образовав небольшое озерцо лавы. Парень погасил резак, снял очки, улыбнулся и помахал Крюкову рукой. Крюков кивнул и пошел дальше.

Он поздоровался за руку с шедшим ему навстречу штамповщиком Колькой Мологим. Тот вопросительно кивнул головой снизу вверх: ну, как дела?

– Да так, не очень... первый день...

Колька хмыкнул укоризненно и в то же время с пониманием и направился куда-то на сборочный участок.

В углу лежала небольшая куча хороших, ровных досок, приготовленных, видимо, для того, чтобы подкладывать их под тяжелые стальные болванки. Крюков подумал: жаль, пропадет материал, а ведь можно было бы...

– Это чьи? – спросил он у проходившего мимо мастера, нарочито небрежно пнув доски.

– Если нужны – бери, – сказал мастер равнодушно. – Еще привезут.

Какая-то странная полутьма стояла в цеху, словно на улице и не рассветало.

– Ну, зима пришла! – с удовольствием щурясь, объявил слесарь Михаил Иванович Панкратов, невысокий, грузный мужик лет пятидесяти, входя с улицы в цех. Дверь, притянутая тугой пружиной, громко хлопнула, он ее не удерживал. И в одно короткое мгновение, что

дверь была открыта, Крюков успел рассмотреть за спиной Иванаыча несущиеся белые струи и почему-то только потом увидел, что и сам мужик весь облеплен мокрым снегом. Панкратов, стащив много повидавшую на своем веку кроличью шапку, тут же начал оббивать ею плечи и грудь, поочередно вытягивая далеко вперед руки, шумно выдыхая воздух, словно веником парился в бане, и даже ногами притопывал от удовольствия.

– Снег, что ли? – не поверил Крюков очевидному.

– Глянь, что делается! – задорно гикнул Иваныч, вытащив изо рта чинарик и ловким щелчком отправив его в мусор. – Покров! Заметает напрочь! Как домой-то пойдем, а?! В осенних-то ботиночках?! – Он как будто радовался этому, а из улыбчивого, гнилозубого рта его все шел и шел дым, никак не кончаясь...

«А как же она пойдет домой – в своем легком костюме и туфлях, даже без зонта?..»

Вот почему было так темно. Снаружи бушевала мокрая метель. Крюков открыл дверь, выглянул на улицу и чуть не задохнулся под напором холодных, тяжелых хлопьев, норовивших залепить глаза. Он вышел на свободу в своем легком комбинезоне, повернулся к метели лицом и так стоял несколько секунд, позволяя ветру пронизать свою одежду насквозь.

От уличного холода ему сразу сделалось легче, радостнее, точно как Иванычу до него. Холод и ветер мгновенно взбодрили, заставили подобраться, словно перед прыжком. Крюков пошел вдоль стены – против ветра, прикрыв глаза рукой; он оставлял в снегу глубокие, быстро темнеющие следы.

А ветер между тем начал ослабевать, истратив, видимо, весь запас сил на первый мощный порыв. Заряд его кончился. Стали уже различимы сквозь мокрые колышущиеся космы соседние цеха. С их крутых крыш начинали срываться длинные подтаявшие белые линейки и плоские угольники, которые разрушались в воздухе, не успев долететь до земли. Послышалась робкая капель – словно странник просился в незнакомый дом на ночлег и не был уверен, что пустят. Снежное изобилие иссякало на глазах. Может, и Крюков помог этому, упрямо идя против ветра и разбивая его наглую уверенность в себе. Метров через пятьдесят он решил возвращаться, и когда добрался по своим следам до дверей, на улице было почти уже тихо.

Войдя, он стряхнул шапку мокрого снега с волос, несколько раз оглушительно притопнул длинными своими ботинками. Смачно чихнул. Высоко поднял голову. Улыбнулся. Ему хотелось крикнуть что-нибудь победное, или взмахнуть рукой, или просто весело и беззащитно ругнуться.

И тут сквозь тучи пробилось солнце, через верхние окна щедро залив собою цех, как яичница-болтуня разом заливает сковороду. В его жестких рентгеновских лучах стала видна тонкая кисея пыли, висевшая здесь в воздухе. У Крюкова против воли опять засвербило в носу, но он сдержался. Подошел к доскам в углу, взял четыре штуки получше и, рачительный хозяин чужого добра, уволок в свой закуток. А по дороге заглянул в хозяйственную часть, одолжил там ножовку по дереву, молоток и пару десятков подходящих гвоздей.

У себя он разложил доски на полу и минут двадцать оглядывал их, решая, как будет лучше приступить к делу. Дело для него было малознакомое. Сколотить лавку – вроде и не так сложно, а вот попробуй возьми... С чего начать? Это ведь не просто гвоздь в стену вбить. Тут соображалку надо включить, чтобы вещь получилась устойчивая, прочная и для сидения удобная; а при случае и бока чтоб не намяло, если поспать захочешь.

Да, не так просто. Но сейчас Крюков чувствовал: он может все. Он загорелся этой мыслью, потому что ему больше некуда было приложить силы, а сила в нем поднялась сейчас вихрем – долго-долго дремала, зевала, томилась – и вдруг взвилась! Да так, что Крюкова могло разорвать от ее избытка. Что было причиной этому – первый снег, в одночасье заваливший землю и уже умиравший там, на улице под колесами машин; первый день на посты-

лой работе и решение уволиться отсюда к чертовой бабушке; или та женщина, которая утром просто сказала «спасибо» и коснулась его руки; ее лицо...

Он соединил три доски, лежащие рядом, рейками. Получилось основание скамьи, достаточно широкой, чтобы свободно лежать на ней, не падая. Так, начало положено. Теперь следовало укрепить конструкцию и начинать изобретать ножки. Какими он сделает их, Крюков пока не знал, но был уверен, что придумает и сделает все как надо.

Руки вспоминали свою работу.

Увлечшись, он не замечал приходивших к нему мужиков, они с удивлением смотрели, задавали какие-то вопросы. Он отвечал невпопад, почти не глядя на собеседника. Некогда ему было, совсем некогда.

Прошел обед, потом еще час, другой... Время летело. До конца смены оставалось недолго.

Лавочка была почти готова, так, кое-какие мелочи оставались... Получилась она необычной формы, слегка грубоватая, но зато очень прочная и удобная. Крюков покурил, прежде чем сесть на нее первый раз, волновался почему-то. Но ничего, не скрипнула, почти не прогнулась... Хорошая вещь, подумал он. Втроем сидеть можно, выдержит. Даже жалко оставлять ее здесь. Ну ладно, если что – сделаю другую, еще и лучше, теперь знаю как.

Хорошо бы дом построить, подумал вдруг он. Свой собственный дом. Своими руками...

Вдруг в цех зашел парень, довольно еще молодой, невысокий, даже щупловатый какой-то, но с властным выражением лица, с повадкой человека, привыкшего отдавать приказы. И Крюков вспомнил: это новый начальник «деревянного» цеха, Леонид Силантьев, старый-то ушел на пенсию, недавно взяли вот этого. Парень быстро оглядел Крюкова, лавочку, на которой тот сидел, нервно покуривая, на опилки и обрезки досок...

– Погаси.

Крюков послушно затушил сигарету.

– Сам сделал? – спросил парень так, словно они сейчас долго говорили о чем-то важном, но вот отвлеклись на случайный предмет. – Интересная конструкция. Сколько времени потратил?

– Не знаю... часа три.

– А ну-ка, – сказал парень, жестом велел Крюкову встать. И Крюков, как будто так и надо было, послушно встал и отошел в сторону. Парень сел на его место, покачался на лавочке, испытал ее на прочность. Особо усердствовать не стал, видимо, сразу понял то, что ему нужно было узнать.

– В роду столяры были? – начал он словно допрос с пристрастием.

– Кажется, дед плотничал в деревне...

– Ага. А что ты вообще здесь делаешь? – спросил он Крюкова так, будто тот был в чем-то виноват.

– Работаю я, – растерялся Крюков.

– Работаешь! – усмехнулся парень. – Слесаришь?

– Да.

– А в нормальной работе хочешь себя попробовать?

– Да хотелось бы...

– Ну что, тогда иди ко мне. Три месяца учеником, потом получишь второй разряд. Через полгода – третий. И так далее...

– А деньги? – робко спросил Крюков.

– Сначала, понятно, деньги будут ерундовые. Так ты ж сырой материал, как вот эта твоя скамейка, – Силантьев пристукнул костяшками пальцев по дереву. – Тебя же учить и учить, воспитывать. Зато потом...

Все было ясно. Человеку этому Крюков поверил сразу.

– Значит, мне увольняться? – спросил он, не раздумывая ни минуты.

– Сделаем перевод, я поговорю с твоим фюрером, думаю, он мне не откажет... И кстати: если увижу, что куришь в цеху, штрафовать буду без разговоров. На первый раз. На второй – уволю. Доступно?..

«А завтра я снова увижу ее», – подумал Крюков невпопад. И ему вдруг представилась волшебная картина: зима, Рождество, поздний вечер и мороз, дом в деревне, внутри чисто и тепло, потому что натоплена печь, а из трубы к небу, к безжизненной бледной луне и блестящим звездам медленно поднимаются вместе с дымом звуки рояля – торжественные, серьезные.

Словно бы какой-то давно вывихнутый сустав встал на свое место, и боль ушла.

Волосы Рассказ

Жена Андрея Петровича Караваева снова покрасила волосы. На этот раз в совсем уж странный ярко-морковный цвет, какого на самом деле и не бывает.

Волосы у нее были короткие, словно приклеенные к голове и проглаженные для верности утюгом. Теперь, перекрашенные в очередной раз, они стали похожи на красный войлочный парик. Но жена Андрея Петровича ходила очень довольная и думала, наверное, что теперь при взгляде на нее мужчины будут падать от восторга. Андрей Петрович только в кулак покашливал. Что ему делать с этой напастью, он не знал.

– Ты бы, Лидочка, нашла какой-нибудь другой оттенок...

Но деликатность мужа Лидию Сергеевну только раздражала.

– Мне нравится, дорогуша. Отстань. Ты в этом ничего не понимаешь.

Андрей Петрович тяжело вздыхал. Когда женщине за сорок, она, случается, выделяет странные штуки со своей внешностью.

Лидия Сергеевна готовилась к корпоративной вечеринке, которая должна была состояться уже через три дня. Надо спешить. Надо выглядеть. Они с Андреем Петровичем работали на одном предприятии с самой своей юности. Здесь встретились, полюбили друг друга, расписались. Получили от завода квартиру, потом, когда родились дети, – другую, большей площади. Андрей Петрович трудился начальником бюро пропусков, Лидия Сергеевна была делопроизводителем. Они всю жизнь получали скромную зарплату и жили по средствам. На предприятии ни разу не слышали, чтобы Андрей Петрович повысил на кого-то голос. Это был очень спокойный, сдержанный человек. Жена, которую он нежно любил и слегка побаивался, была его полной противоположностью. Резкая, крикливая, обожающая скандалы... Очевидно, сказывалось тут детство в огромной коммуналке. Вздорный характер, однако, не мешал ей быть прекрасным специалистом. Правда, коллеги от нее стонали и закатывали глаза: о, наша Лидочка – это крепкий орешек... Год за годом чета Караваевых спокойно работала на предприятии. Оба они – и муж, и жена – уверены были, что так и просидят в своих кабинетах до старости и с этих своих неизменных должностей уйдут на пенсию. И вдруг на заводе произошла череда кадровых перетрясок, многократная смена руководства, и в результате спокойного, исполнительного и надежного Андрея Петровича неожиданным вихрем забросило на должность гораздо более высокую, чем он занимал раньше. На хорошо оплачиваемую должность. Денежный вопрос в семье Караваевых прежде был не сказать чтоб очень острым, но довольно-таки болезненным. Получали они, как уже говорилось, зарплату скромную, лишних трат на дорогие шубы или автомобиль не предусматривающую. Тянули от получки до получки, иногда приходилось даже занимать. Ни о каких больших накоплениях им и думать не приходилось. И тут это новое назначение. Андрей Петрович был уверен, что с новой работой не справится. Ночами он плакал Лидии Сергеевне в нагое белое плечо и жаловался: подчиненные не слушаются, творят, что хотят, и, наверное, начальство, видя все это, скоро выставит его за ворота.

– Будешь меня тогда кормить? – спрашивал он жену полушутя.

– Нет, сиди голодным, – холодно отвечала Лидия Сергеевна. – Мне нахлебник не нужен. Изволь-ка справляться со своими обязанностями. Единственный раз в жизни повезло вырваться из нищеты, и вот он уже начинает нюнить. Не слушаются его, видите ли. А ты заставь! Будь мужиком! И чтобы я у тебя этих соплей больше не видала.

Вот так. Делай что хочешь. То ли слова Лидии Сергеевны подействовали должным образом, то ли финансовые соображения сыграли свою роль, но вдруг, на удивление всем,

спокойный Андрей Петрович из доброго и мягкого человечка начал превращаться в свирепого начальственного монстра. А может быть, сказалась тут скрытая тяга всякого полунинтеллигента к деспотизму. Он ведь втайне мечтает о крепостном праве, хочет быть добрым баринком, который по субботам для порядку сечет своих крестьян розгами. Да только кто ж ему даст.

А тут вот дали.

И он стал внедрять на предприятии жесткую дисциплину со свирепой системой штрафов. Наставил всюду видеокамер. В каждом цеху появились надсмотрщики, единственным занятием которых было ходить и смотреть, чтобы все непрерывно работали. Караваев сделал так, что перерывы и обед были теперь минута в минуту, по распорядку. Запретил курение. И если уж кто попадался на чем-то незаконном, у человека был один путь – за ворота. Найдем других, говорил в таких случаях Андрей Петрович. Вон их сколько по улице ходит, голодных.

Сам Караваев забыл, как это бывает, когда в кармане у тебя нет денег. Теперь деньги всегда были, и он начал приобретать вкус к хорошей одежде, модным аксессуарам, поездкам на такси, обедам в ресторане и прочим удовольствиям, которые может себе позволить обеспеченный человек.

Андрей Петрович отрастил брюшко, стал ходить вразвалку, говорить медленно и веско, научился давить подчиненных взглядом. Должность обязывала, положение. Не будешь выглядеть серьезно – пропадешь, сожрут.

Только одно он всегда обходил стороной: других женщин. Тут принципы у него были твердые. Лидочка – его законная жена, у них крепкая семья, изменять нельзя. Пусть знакомые руководящие работники развлекаются с продажными бабами, а он этого делать не будет. Просто не будет, и всё. Андрей Петрович относился к адюльтеру презрительно и не понимал тех, кто рассказывал о своих многочисленных победах. Морщился недовольно: к чему это? Что вам, семнадцать лет, что ли? Лучше бы о работе думали...

Но случилось так, что к ним в отдел кадров пришла работать совсем молоденькая двадцатилетняя девочка: худенькая, с северными веснушками на полупрозрачной коже и серыми, вполлица глазами. Длинные пепельные волосы собраны сзади резинкой в простой хвост. Явно не заботится о своей внешности, о впечатлении, которое производит на мужчин. Вроде бы как даже забитая. Во всяком случае, при взгляде на эту тихую девушку Андрею Петровичу захотелось встать рядом с ней и защитить ее.

– Как ваша фамилия? – спросил ее Караваев при первой встрече. Спросил немного резковато – девушка, сидевшая за компьютером, раскладывала пасьянс. Он вошел в кабинет тихо и с полминуты стоял за ее спиной, наблюдая, как своими удивительно длинными пальцами она передвигает по столу мышь и нажимает на кнопки.

Девушка мгновенно сжалась и пролепетала:

– Брусникина Анна...

– Что же вы, Анна, в рабочее время играете?

– У меня сейчас обед...

– Все равно, нельзя использовать компьютерную технику не по назначению, – настаивательно сказал Андрей Петрович. И счел необходимым слегка сбавить тон: – А почему вы не в столовой, раз у вас обеденный перерыв?

– Мне не хочется.

– Напрасно. Вон вы какая... худенькая. Вам надо... питаться. Идите-ка в столовую.

И Анна, вздохнув, покорно отправилась обедать.

С тех пор Караваев стал чаще бывать в отделе кадров. Он старался никак не выделять Анну, не показывать свое истинное отношение к ней. Да и сам еще не понимал, какое, собственно, у него к ней отношение.

Но отношение-то было. Караваев стал думать о ней, чем дальше, тем больше, и вскоре мог думать уже только о ней.

Тут, как нарочно, привезли на завод новое итальянское оборудование – фрезерный станок с числовым программным управлением, который способен был обрабатывать металл аж в пяти плоскостях, и что-то там еще умел очень хорошее и современное. Пришлось заводу влезать в большие долги, но технический прогресс того требует. Зато, говорил директор в узком кругу приближенных, теперь выйдем на мировой уровень качества! Дело хорошее, кивали приближенные. А работать-то на нем сможем? Сможем, русский мужик во всем разберется, уверенно бросал директор. У нас ведь такие орлы, что им эта Италия?

Ну и действительно, не в таком еще разбирались.

Через неделю приехали итальянцы, чтобы руководить процессом установки новой машины. В контракте было записано, что без этого фирма ничего не гарантирует. Вот, мол, установим, как положено, а там уж эксплуатируйте.

Не хотелось платить лишних денег, но контракт... Да и итальянцев было всего двое. Сдюжим и эти расходы, зато потом...

Ох ты, а ведь никто из наших не владеет итальянским. Как общаться-то? Опять придется все самим, а деньги зря только потеряем.

Но итальянцы свободно говорили по-английски, ага, это уже лучше, английский мы как-нибудь осилим, хоть со словарем. И все-таки нужен был человек, который мог понимать быструю и экспансивную английскую речь итальянцев.

Кинули клич по заводууправлению – выяснилось, что оценки в дипломах у всех были хорошие, но отсутствие практики себя показало. Конфуз, однако. Итальянцев отправили ночевать в гостиницу, решив, что утро вечера мудренее. Завтра кого-нибудь найдем по родственникам и знакомым. Не хватало еще на переводчика разоряться.

На следующий день в обед Андрей Петрович заметил, что Анна Брусникина спокойно щебечет с иностранцами в цеху, возле пока мертвой громады станка, и все трое смеются.

– Аня, вы что же, английским владеете?

– Да, Андрей Петрович. У меня мама преподаватель...

– И вы все понимаете, что они говорят? – Начальственный маразм уже успел оставить отпечатки пальцев на мозговых извилинах Караваева, и теперь соображал он туго. Иногда своим было труднее понять его, чем иностранцев.

– Ну конечно! Ничего сложного здесь нет...

– Тогда будете переводчицей. А то не сладить нам с ними.

– Андрей Петрович, а вдруг я что-нибудь напутаю?..

– Не напутаете. Вместе разберемся, – сказал Караваев и по-отечески положил руку на ее плечо.

С того момента, как он к ней прикоснулся, как почувствовал под тканью кофточки тонкую, хрупкую кость ее ключицы, он понял, что обречен. Он пропал, обратного хода нет. С ним начало происходить что-то такое, над чем он был абсолютно не властен. Он словно в космос воспарил, в высокое безвоздушное пространство над землей, и висел там неподвижно в темноте, среди звезд, а в груди его был только расширяющийся шар восторга. И долго его не сдержат. «Пропал, пропал!.. Ну, вот и хорошо...»

Анна Брусникина оказалась очень толковым помощником. С ней работы по установке и наладке станка пошли быстро. Итальянцы, конечно, заигрывали, флиртовали с ней, особенно Паоло, тот, который моложе и кудрявее. Это было понятно всем вокруг даже и без перевода. Наши мужики посмеивались и подкалывали Анну, она смущалась. Итальянцы не понимали, но догадывались, над чем похохатывают слесаря. В общем, атмосфера вокруг установки нового станка сложилась добродушная, работалось легко, без напряжения, а в таком случае всегда все получается, как надо.

Только Андрей Петрович неожиданно помрачнел. А ну как этот Паоло сманит, увезет Аннушку от него в Италию?! Что ему тогда делать?

А что тебе, собственно, делать, спрашивал внутри него кто-то отвратительно трезвый, еще не перевернутый безумной любовной волной. При чем тут ты? Она молодая девчонка, и пусть устраивает свою личную жизнь как угодно. В Италию, значит, в Италию. Может, оно и к лучшему, тебе же спокойнее будет – там все-таки цивилизация... Не на тебя ли, козла пожилого, должна она променять свое счастье? Нет, конечно, не должна...

Мрачное состояние Андрея Петровича не прошло мимо внимания коллектива. Давно уже не была секретом и влюбленность Караваева. Лишь он один не знал, что об этом знают все. Даже его жена знала. Но почему-то не спешила устроить Андрею Петровичу шикарный праздничный скандал – возможно, с истерикой и битьем посуды.

И как-то раз старый слесарь Панкратов сказал ему:

– Что грустишь, Петрович? Боишься, уведут девку итальянцы? Да, такого кадра заводу терять нельзя...

И подмигнул.

Андрей Петрович устался на него остолопым взглядом, вдруг страшно покраснел и убежал к себе в кабинет.

Следующим утром на доске приказов и распоряжений появился выговор со строгим предупреждением Брусникиной Анне за нарушение трудовой дисциплины. Пару раз она опаздывала на смену и раза три отпрашивалась пораньше, статистические данные с электронных пропусков были постоянно под рукой Караваева. Он мог наказать кого угодно и по любой причине. Вот и воспользовался. А что ему было делать? Он защищал ее как мог, как умел.

Брусникина стояла возле итальянцев некрасивая, прибитая. Спецовка сегодня выглядела на ней, словно застиранный больничный халат на пациентке, которая уже несколько месяцев лежит в больнице и редко выходит гулять. А ведь еще вчера казалось, что спецовка ей идет и даже выгодно подчеркивает фигуру.

– За что, Андрей Петрович? – спросила Анна, когда они остались вдвоем. – Ведь я тогда отпрашивалась... а опаздывала, так транспорт у нас ходит плохо. Мне далеко ездить. Вы же знаете...

– Транспорт – не оправдание, – по привычке отрубил Караваев и тут же спохватился: – Вы, Аня, не обращайтесь на все это внимания. Я на вас не сержусь. Даже наоборот...

Если раньше кто-то на заводе еще мог сомневаться, что Караваев влюблен в Аню Брусникину, то теперь все стало совершенно ясно. Андрей Петрович словно подписал публичное чистосердечное признание. Хотел одного – получилось другое. Ну да что уж, бывает. Простительно. Тем более, он даже и в мыслях не смел вступить с ней в настоящие, близкие отношения. Все это с его стороны было чисто платонически, эфемерно.

Любовь делает мужчину немного идиотом.

Караваев взял больничный. Он чувствовал, что впервые в жизни впадает в депрессию. Утром жена молча, не глядя на него, уходила на работу, а он слонялся по квартире, не зная, чем себя занять.

Доброхоты просветили Анну насчет этой нелепой ситуации. Она сначала не могла поверить, но ее живо убедили. Все доказательства были налицо. Так что, когда Андрей Петрович позвонил ей и предложил вечером встретиться в кафе, она согласилась быстро, с пониманием. Ей было любопытно, страшно и смешно. Ничего такого позволять она Андрею Петровичу не собиралась, но ей просто интересно было, как это все в жизни бывает по-настоящему.

Караваев протянул ей меню.

– Выбирайте, Аня. Я буду только кофе.

Брусникина заказала сладости. Они сидели друг напротив друга, Андрей Петрович несколько раз хотел сказать что-то значительное и грустное... но только отмалчивался. Ему и в самом деле было грустно, о чем тут говорить.

Ни к селу ни к городу вспомнилось, как его недавно почивший дядя за несколько месяцев до смерти слезливо просил завести на будущих похоронах песню Надежды Кадышевой «Течет ручей, бежит ручей». Не завели, забыли все об этом, да и похороны теперь тихие, без музыки, тем более такой. Жалко дядю. Что ему этот «Ручей»?.. Надо бы сходить на кладбище хоть с телефоном, включить песню, исполнить долг...

Анна с удовольствием лакомясь пирожными.

– Ешьте, ешьте, милая. И простите меня за эту глупость. Я не хотел...

– Андрей Петрович, но я в самом деле из-за транспорта опоздала...

– Да бог с ним, с этим транспортом. Ну, что вы намерены делать дальше? Этот Паоло – он кто, что? Серьезный человек, как вы думаете?

– Да он такой смешной, веселый, Андрей Петрович...

– Высококласный наладчик, зарабатывает очень хорошо. Надо вам к нему присмотреться повнимательнее.

– Да ну его, он глупый, все шуточки – ниже пояса...

– Итальянцы по-другому и не умеют. Зато религиозны, ценят семью.

– Да ну вас, Андрей Петрович!..

Дверь кафешки распахнулась, показалась спина Лидии Караваевой. Жена Андрея Петровича силой тащила за руку какого-то молодого человека. Караваев вскочил, чтобы помочь ей, защитить... но этого не требовалось.

– Что ты какой робкий, с женщинами надо быть смелее!.. – говорила Лидия Сергеевна в дверь.

Почувствовав что-то спиной, она повернулась и увидела Андрея Петровича. Мгновенно оценив ситуацию, отпустила руку паренька и обшарила взглядом зал. Опознала Анну Брусникину, и все ей стало ясно.

– Ах ты!.. – задохнулась она.

– Я, – сказал Караваев. – Я. Не шуми, дома поговорим.

– Поговорим!! – с предвкушением согласилась Лидия Сергеевна.

В тот вечер у их соседей случился настоящий праздник. Давненько они такого не видели и не слышали. Сначала десять минут женщина беспрерывно орала и била посуду. Потом упал шкаф. Тогда возвысил голос мужчина. По квартире несколько раз пробежали в разных направлениях. Женщина завизжала предсмертным визгом, мужчина что-то прорычал. Тут приехала милиция, их разняли.

Караваевы неделю не показывались на работе, а когда показались, то это были абсолютно те же самые Караваевы, что и прежде, без всяких изменений, разве только Лидия Сергеевна покрасила волосы в странный морковный цвет, какого на самом деле не бывает. Скоро корпоратив...

На сцене в Красном уголке стоял длинный стол, за которым уместилось руководство завода в полном составе, некоторые с жёнами, в том числе и Андрей Петрович. Отмечали завершение установки итальянского оборудования. Говорили положенные речи. Действительно важное для завода дело, успешное. Лишь бы заработало оно теперь...

Народ с удовольствием выискивал на лицах Андрея Петровича и Лидии Сергеевны следы недавнего скандала, но следов не было. И ладно. Всё равно все знают. Завод – большая семья, здесь ничего не утаишь. И никто не будет их осуждать, мало ли как в жизни бывает.

Тем более, Аня Брусникина уволилась по собственному желанию и, прошел слух, вместе с кучерявым Паоло уехала в Неаполь. Так что дело прошлое.

– А теперь слово имеет Андрей Петрович Караваев!

Караваев встал и огляделся. Зал был наполнен родными лицами, глядевшими на него с ожиданием. Ну, давай, Петрович, не робей!

– Друзья! – сказал он. И трудно сглотнул. – Друзья!..

Он посмотрел на сидевших рядом с ним, увидел победно горящий транспарант морковных волос жены. Внезапно ему стало дурно от этого вида.

– Товарищи! – сказал он.

В зале прошел тихий шелест.

– Простите меня, грешного, – сказал Караваев и опустился на колени. – Простите меня, люди добрые! – он поклонился, ударив лбом в пол. – Я виноват! Простите, если можете. Простите, люди добрые! Я виноват...

После того случая ему пришлось уволиться с завода. А Лидия Сергеевна осталась, с ней ничего не случилось, тем более что она прекрасно знала: стыд глаза не выест, через полгода об этом нелепом случае забудут, а хорошие работники нужны во все времена. Так оно и вышло.

Теперь Лидия Сергеевна была кормильцем, приходила с работы слегка недовольная, и Андрей Петрович предпочитал проводить все больше времени на даче, вдали от нее. Но иногда им удавалось и поговорить.

– Что-то с нами не так, Лида.

– Что? По-моему, все прекрасно.

– Что-то не так. Одного не пойму, когда же все пошло под откос.

– Не выдумывай, дорогуша.

– Нет, Лидочка. Как-то мы странно и неправильно живем с тобой.

– Перестань, Андрей, у меня от твоих выкрутасов давление поднимается! Лучше бы работу себе нашел какую-нибудь! А то сидит на моей шее, ножки свесив!..

– Ладно, ладно... ничего...

Вскоре он окончательно сгинул в дачную жизнь.

На заводе действительно забылся этот нелепый случай. Все пошло по-прежнему. Назначили другого зама по кадрам, и он еще сильнее завернул гайки. Коллектив обновился. До Караваевых никому не было дела, и только удивительная прическа Лидии Сергеевны сохранилась на несколько предпенсионных лет, как знамя победы неизвестно над кем или чем...

Совершенство Рассказ

В одних трусах будучи, семейных, в горошек, он легко поднял и вылил на себя ведро холодной воды. На улице было минус восемь – прелесть что за погода, скоро река схватится льдом, можно будет купаться нормально... Он бодро переступил несколько раз босыми ногами в образовавшейся на асфальте луже, звонко похлопал себя ладонями по твердому животу и рассмеялся от удовольствия.

Никто уж не глядел на него в окна как на придурка – привыкли, да и рано было, народ спал, пять утра. Он вошел с пустым ведром в подъезд, нарочито медленно поднялся по ледяным бетонным ступеням на свой шестой этаж. Дверь не заперта.

Он вытерся, вымыл ноги в ванной, пошел готовить завтрак. Скоро на работу.

Жена лежала в комнате на диване и тихо постанывала во сне. Болела уже давно. В шестьдесят лет, если собой не заниматься, какое у человека здоровье? Никакого. А она собой не занималась никогда, ну вот и пожалуйста. Сколько он ее пытался приохотить к этому делу – нет, только рукой махнет, не надо. Да и наследственность плохая, почки. Судя по всему, недолго ждать.

А он вот здоровее молодых, может фору дать любому. Недавно у них в отделе были полушуточные гиревые соревнования, его сначала и допускать не хотели, но потом все же, посмеиваясь, допустили, а когда он пудовой гирькой шутя поиграл да взялся за двухпудовую, улыбки стали кривыми. Короче, всех переплюнул, показал, кто чего стоит... Обзавидовались. Пошли сразу тихие разговоры, что пора бы человеку на пенсию, возраст-то подходящий, дорогу – молодым, да и что он за инженер, всю жизнь ни одного интересного проекта, сплошной штамп и повторение... В глупой стенгазете нарисовали совершенно лысого старика с преувеличенно богатырской грудью и лошадиной улыбкой. Не постеснялись. Что ж, он воспринял это как должное. Значит, сила на его стороне.

Позавтракал, собрался ехать. Кроссовки, спортивные трусы, легкая майка. За спиной школьный рюкзачок с книгами. Запер дверь, спустился вниз, побежал к трамвайной остановке.

Добежал. Транспорта пока не было. Можно, конечно, успеть и на своих двоих (он часто так и делал), но сегодня надо было ему еще прочитать то, что вчера не успел из-за жены.

Трамвая все не было. Он покругил вокруг остановки, дал длинный кросс вдоль линии. Дышал, как хороший насос, пар валил, даже очки слегка запотели. Протер их на ходу. Наконец дождался трамвая, влез в толпу одетых людей, смотревших на него с ужасом и почти отвращением. Очки снова запотели, он снял их и протер. Не теряя ни минуты, достал из рюкзака учебник. Какое-то время здесь можно продержаться без движения.

Десять минут на техническое чтение. Потом десять минут на свежую «Роман-газету». Ровно столько, чтобы доехать до работы. Краем глаза он подметил, с каким гадливым выражением стоящий рядом парень поглядывает на его седовласую грудь и морщинистую кожу. Не нравится – не смотри. И действительно, не выдержал парень, отвернулся. Да, так всегда и бывает.

А у нас свобода, каждый может ходить в чем угодно. Не голый же.

Добежал до проходной, измерил пульс. Отлично.

На работе все было как всегда, те же подначки дураков-коллег из мужской половины, фальшивые восторги женщин. Как же – не курит, не пьет, здоров как бык, и все такое. Он прикидывал, которую из них можно взять, когда жена освободит его наконец. Получалось –

никого. Все глупы, неразвиты, грубы, жутко красятся. Почти у всех лишний вес... Нет, надо приискивать где-то еще. Здесь – только время терять.

Чертил что-то до конца дня, совсем не думая о работе. Прислушивался к своим внутренним ощущениям, все ли в порядке, нет ли где пробоин, незаделанных дыр. Зуб что-то стал побаливать, один из последних. Видимо, придется всерьез подумать о протезе. У него был такой принцип: ничего не запускать. Если выпал зуб, иди вставлять новый. Если заболел желудок – иди лечить, но лучше вообще не доводить до болезни, питаться правильно. Зубы-то у него почти все уж были вставные. Да так и легче, меньше проблем...

Остальное вроде все было в порядке. Организм работал как часы. Дефекация произошла в обычное время, легко и быстро.

Он успел просмотреть несколько рекламных газет с объявлениями похоронных контор, позвонил кое-куда, нашел самую дешевую, поторговался. Да, на все нужны деньги. Что ж, на работе помогут, потом положены какие-то гроши из собеса... в общем, хватит. Без особых проблем. Надо, чтобы тело сразу забрали.

Рабочий день закончился. Градусник за окном показывал минус три. Домой он побежит, это куда приятнее, чем толкаться среди усталых и нервных людей, почти каждый из которых готов по малейшему поводу в драку. Драк он боялся хуже всего на свете, драк и вообще нелепых случайностей, которые могут стоить здоровья и даже жизни. Это было, наверное, единственное, чего он не мог контролировать – и боялся постоянно. Вечером из дому не выходил, предпочитая для всех своих занятий раннее утро, когда хулиганы спят, ложился рано. Да так оно и лучше – здоровее, в полном соответствии с биоритмами...

Час легкого бега, и вот он уже в своем микрорайоне. Последнее усилие, финальный аккорд – без остановки взлетает по лестнице на шестой этаж и долго ходит по длинному коридору, успокаивая дыхание, восстанавливая нормальный сердечный ритм. Рука на запястье, подсчет ударов... Нет, еще немного подождать. Так, вот теперь все в порядке.

Дверь не заперта. Странно. Он ведь запирает, точно помнит.

Анна куда-то ходила? Неужели смогла встать? Вряд ли.

Но точно, вот она, лежит на пороге комнаты грузной тушей, вся отекая, слоноподобная. Упала. Неужели – все?.. Нет, дышит. Дышит, хотя и еле-еле. Без сознания. Редкие волосы прилипли к щекам, нос торчит какой-то безобразной пористой блямбой, глаз почти не видно.

Перевернул, дотащил до кровати, кое-как поднял, перевалил через край. Тут она застонала, так громко и мучительно, что ему на мгновение стало остро жаль ее, хотя сама она была виновата: за здоровьем не следила. Да и наследственность – ничего не поделаешь...

Открыла глаза, долго не узнавала, потом заплакала.

– Вот... Юрик... ухожу... один остаешься... дурачок ты мой... как без меня будешь?..

– Зачем ты вставала? – сказал он терпеливо. – Лежать надо было. В твоем состоянии нельзя вставать. А ты встала.

– В окно... последний раз посмотреть...

– Ну и глупо. Сейчас я «Скорую» вызову.

– Не надо... Ухожу... Дай спокойно уйти...

– Как хочешь.

– Сядь...

И он послушно и терпеливо уселся на пол возле кровати прямо в своих пропотевших спортивных трусах и майке, с рюкзачком на спине, и его согнутые мускулистые ноги нелепым детским домиком торчали кверху. Он держал жену за руку, гладил, а она, нащупав его лысую голову, просто положила сверху ладонь и так держала. Он хотел было уклониться, но она не отпустила. Пришлось сидеть, терпеть.

– Я тебе много... хлопот...

– Да ничего-ничего, – быстро сказал он, ужаснувшись, что ей сейчас надо будет выговорить длинное и неудобное слово «доставила» или «причинила», а ему придется лишний раз слышать, как она тяжело, со свистом втягивает воздух.

– Ты уж прости меня...

– Да, да, конечно.

Наверное, с час он так сидел, гладил ее, и за все это время она пару раз говорила ему: «Дурачок ты мой», а потом замолчала надолго. Он думал о чем-то постороннем, о каких-то пустяках – и вспомнил вдруг момент, когда разлюбил ее. Много лет ей удавалось питать в нем иллюзию того, что она молода, свежа и подобна цветку. И однажды случайно услышал из кухни ее старушечий кашель. Не видел ее, а слышал только этот ужасный кхекающий кашель... Тут-то он и прозрел.

Вдруг почувствовал, что рука на его голове начинает холодеть. Кожа головы у него была очень чувствительна к перемене температуры. Он осторожно встал, нащупал ее пульс. Точнее, попытался. Пульса не было.

Да, действительно. Все. Ушла.

Свободен.

Он положил ее поудобнее, скрестил ей руки, как полагается. Хотя – все равно без толку, ведь повезут, будут вскрывать... Глаза у нее были закрыты, очень хорошо. Выпрямился над телом, не зная, что делать дальше. Зачем-то перекрестился, наверное, первый раз лет за десять. Так полагается.

Его поразила собственная реакция на смерть близкого человека. Почти полное отсутствие чувств, переживаний. Наверное, заранее уже привык, обдумал это все. Теперь осталось только действовать.

Надо идти, звонить куда-то. Или врачам, или сразу в эту фирму...

Когда выносили тело двое дюжих парней (оба почему-то с лагерными наколками), он испытал смутное сожаление. Она теперь покидает его, они становятся разделены. А ведь всю жизнь были вместе. Конечно, он ее давно не любил, просто она всегда была рядом. И теперь вот такая перемена. И ничего нельзя сделать.

Он вдруг немного испугался.

– Подождите...

– Что, отец? – спросил представитель фирмы, начальник тех двоих, с наколками.

– Минутку.

– Разумеется.

Носилки опустили на пол. Он стоял почти вплотную, громоздко возвышаясь над ее телом. Простыню убрали, чтобы он мог посмотреть, попрощаться. Но когда он снова увидел жену, то понял, что зря остановил людей. Все давно было ясно, все так и должно было быть. Чтобы его поведение не истолковали как странное, он вдруг наклонился над нею и нежно стащил с пальца обручальное кольцо. Оно сошло неожиданно легко, хотя пальцы сильно опухли.

– На всякий случай, – сказал он представителю фирмы, который невозмутимо смотрел куда-то в сторону. – Память.

– Разумеется.

Подняли и унесли. Он проводил до грузового лифта. Поехали. Все. Вот теперь уже действительно все.

Еще через час он уже очистил квартиру от ее вещей, ненужных тряпок, каких-то затянутых паутиной цветочных горшков, прогнивших полок с рассадой, любовных романов в мягкой обложке. Отдал соседям старый шкаф, который раздражал его уж лет двадцать. Под-

рядил за чекушку одного местного алкаша, и они вдвоем вытащили на помойку кровать. Он поспит и на полу, ничего. Так даже здоровее, на жестком-то... Тщательно вымыл пол.

В ближайшие выходные он сделает ремонт, побелит потолок и переклеит обои. И можно будет жить нормально, как давно уже хотелось. Спартанская обстановка, спортивный инвентарь, нужные книги... Пожалуй, бабу брать не стоит, она все опять испортит. Можно встречаться на ее территории, не связывать себя никакими обязательствами.

Свалил в углу несколько фуфаек, накрыл чистой простыней. Отличная получилась лежанка. Мягко, удобно, и места в комнате много. Почему нельзя было раньше так жить?

Открыл форточку настежь. Теперь она никогда не будет закрываться. Ему уже давно надоел царивший здесь кислый стариковский запах.

Перед сном, лежа на фуфайках, определил цели на будущее. Надо научиться готовить; впрочем, это нетрудно, есть масса книг. Средств на жизнь ему, при его-то минимальных потребностях, хватит с лихвой. Не нужно теперь тратить на дорогие лекарства... Можно сделать еще что-нибудь полезное. Английский выучить, например. Времени полно.

Он сейчас совершенно не понимал, зачем столько лет потратил на эту женщину, которую любил только в молодости, которая постоянно болела и не оставила ему детей, за которой нужно было все время ухаживать... Непонятно! Сколько всего мог бы он сделать, не будь ее. А так, получается, жизнь прошла почти впустую; впрочем, он может, если постарается, активно прожить еще лет двадцать или даже тридцать, здоровье-то есть, так что не все потеряно.

Уснул поздно. Спал как обычно, без снов, словно внутри теплого шерстяного носка.

В три часа ночи подскочил вдруг, пошарил вокруг себя, ничего не понимая, спросил: – Аня... ты как себя чувствуешь? Принести воды?.. Где ты, Аня?!

И тут вспомнил все, увидел себя в углу на подстилке в пустой холодной квартире (а ее-то нет!) – и взвыл, скорчился в судороге, что-то невнятно голоса сквозь стучащие от внешнего холода зубы...

Долго лежал без движения и без мыслей, в полной пустоте.

– Аня! – позвал он снова.

Она пришла. Села рядышком, привычно положила ему руку на голову, а он лежал на своих фуфайках как больной и все спрашивал радостно:

– Ведь правда, смерти нет, Аня?

– Ну конечно, нет, – говорила она, мерно качая головой и глядя его.

– Значит, я никогда не умру?

– Да.

– Как хорошо! И ты будешь со мной?

– Всегда.

– Ты прости меня, Аня.

Проснулся оттого, что продрог насквозь. Форточку-то вчера не закрыл, и по полу здорово сквозило. Спина была вся холодная.

Хотел встать, но его вдруг пронзила такая боль, что от неожиданности и удивления вскрикнул. Протянуло, черт!.. Еле-еле, держась за поясницу и охая, поплелся на кухню, закрыл форточку, включил весь газ, чтобы согреться. Поставил чайник.

Но тут его бросило в жар, он напился холодной воды, погасил газ и вернулся на свою лежанку, там, на полу, было прохладно, хорошо...

Через две недели квартира была уже свободна от прежних хозяев, и туда заехали другие люди.

Хоронили старика рядом с его женой как раз на ее девятый день (сослуживцы подсушили, видя его безнадежное состояние, заказали сразу двойную ограду – не ошиблись, деньги потратили не зря), и многие женщины плакали. Вот как, всю жизнь вместе, и ушли вместе. Не перенес горя, а ведь очень здоровый был мужчина. Теперь таких нет, другое поколение.

Гроб, установленный для прощания на земляном валу, был плохо сколочен, крышка прилегала неплотно, и даже когда забили гвозди (один из могильщиков животом навалился на крышку, чтобы вмять внутрь торчащие носы ботинок), низкое зимнее солнце ослепительной звездой сияло в щели.

А некоторые мужики с очень серьезными лицами тихо говорили, оглядываясь: кто не курит и не пьет... Впрочем, это были те, кого старик недавно переплюнул на гиревых соревнованиях, дело понятное.

Злоба ночи

Повесть

1

«Есть люди, с самого детства своего не знавшие никаких других законов, кроме закона волосатого кулака и потной грубой силы. Эти люди подчинялись действию, казалось бы, вечных, незыблемых установлений – и сами пользовались насилием как простейшим способом подогнать этот мир под себя. И если однажды такой человек начинает вдруг понимать, что не все в жизни подчиняется этим правилам, а есть и правила другие, где царит справедливость и любовь, – нет ничего лучше, и можно лишь радоваться за него.

Но если, избави бог, все было наоборот, и правильно воспитанный с детства человек, живя дальше и дольше, постепенно разочаровывается в привитых ему благородных идеалах, а убеждается и видит вокруг себя одну только ложь, предательство и ежечасное насилие, и видит, еще хуже, торжество всего этого над добром и любовью, – вот когда остается лишь горевать и молиться, ибо трудно дальше придется такому человеку, путь его будет извилист и тернист, и окажется ли он когда-нибудь снова на верной дороге, бог весть...»

Малоизвестный писатель В., сидя в домашнем кабинете, представлявшем собою слегка отгороженный угол в единственной комнате его квартиры, где он жил с женой и маленькой дочкой (а на работе кабинета у него не было, потому что он вкалывал на заводе простым сверловщиком), в задумчивости смотрел на экран монитора. Там мерцали два абзаца текста – начало нового рассказа или повести; В. собирался показать этим произведением все, на что был теперь способен. Время пришло, ему уже двадцать семь лет, нужно создавать серьезную вещь на конкретном жизненном материале и обретать известность, которой, чего там греха таить, он давно заслуживает. Опубликованные в городской прессе рассказы и восторженные отзывы местных критиков убедили его полностью. Он бросил камень в это стоячее болото! И круги пошли, но очень быстро успокоились. Пора открывать миру свое истинное лицо.

Он сидел на маленьком детском стульчике, стол был тоже невысок – журнальное шаткое сооружение. Чтобы дотянуться до клавиатуры, руки приходилось просовывать между колен и сидеть, скрючившись вдвое, колени же писателя торчали в разные стороны едва не выше плеч. В. был ростом длинен и тощ и представлял бы собою довольно забавную картину (лягушка, готовая слизнуть муху), если бы не его прищуренный левый глаз и почти злобное выражение лица. Он в двадцатый раз перечитывал только что написанное.

Два абзаца подвергались в течение сорока минут непрерывной правке; последний вариант полностью отличался от первого. Не осталось почти ни одного прежнего слова. Текст, распятый на дыбе авторского пристрастия, мутировал, мимикрировал и старался отползти в дальний темный угол, но автор был безжалостен. Словно хирург, он резал слова и целые фразы, ампутировал ненужные куски, пересаживал, приживлял новое и смотрел, что вырастет; вытягивая из текста струны жил, больно щипал их, прислушиваясь к ответному звучанию... И поэтому неудивительно, что после такой работы автор устал и даже слегка вспотел. «Пивка бы сейчас хорошо».

Каждый раз, садясь к своему рабочему инструменту, он почти не верил, что сможет написать еще хоть одну толковую фразу, а тем более когда-нибудь закончить весь текст (хотя таких текстов у него было немало). И каждый раз, перечитывая готовый кусок, он радовался,

но еще более дивился себе: надо же, смог! Сделал! Ай да я! Чудо какое-то... Он обычно писал вот так: медленно и тяжело, и потому не очень любил это дело; но только им и хотел бы заниматься в жизни.

Главная трудность здесь была – вымучить из себя первые слова и строки, а дальше все покатится само. И вот начало рассказа, словно вечерний туман в степи, собралось по ложбинам и извилинам, оросило собою подсохшие писательские мозги. Это было настоящее событие для автора.

«Но, пожалуй, чересчур назидательно, – решил В., снова пробегая глазами по строчкам. – И «бога» слишком много. Скулы может свести... Что ж, ведь это не детектив и не боевик, не обязан я каждой строчкой заманивать читателя и обещать сладкое. Так надо. Орел мух не ловит, классики перед публикой в реверансах ноги не ломают... Оставлю пока, а завтра продолжим».

Он нажал кнопку «Сохранить» и выключил компьютер. Бесцельно посмотрел в смутное окно.

Откуда-то остро пахивало гороховым супом. Писатель повел носом, ища источник запаха, и обнаружил его у себя под мышками. Чертыхнулся, рассмеялся. Почесал давно не бритую щеку...

2

В середине мая время начинает путаться. Вроде еще совсем светло, а уж спать давно пора. Серп убывающей луны висел в небе елочным украшением, вырезанным из тонкой фольги. У В. с луной были довольно сложные взаимоотношения. Иногда она помогала, но чаще всего он не мог найти для нее ласкового слова, особенно когда сука бывала совсем круглой или шлялась неизвестно где. В такие дни он чувствовал себя ее безвольным рабом, и нужно было ждать чего угодно – попойки, драки, темных вспышек внутреннего озарения, предательства или подвига. Несколько дней назад, когда гадина была в самом расцвете, В. бродил около одиннадцати часов вечера по дальнему пустырю и наткнулся на иномарку с пьяными парнями и девками. Они высунулись из окон и молча рассматривали одинокого странного пешехода, словно редкое животное в зоопарке. Он с готовностью шагнул в их сторону, неся собственные руки как тяжелые железные палки с набалдашниками. «Что установились? Знакомы?» Их было человек пять. Ни один даже рта не раскрыл. Спрятали назад свои морды... и едва только В. отошел от них на порядочное расстояние, как почувствовал парализующий прилив запоздалого страха. Еле волоча ноги, он поскорее убрался с опасного места. Повезло... жив остался, цел... поленились или наглости такой не поняли (один на всех) ...повезло. А все эта круглая тварь. И что же ее никто не подстрелит? Ведь сколько на свете хороших охотников! Стреляют, стреляют зря...

В. продолжал беспредметно глазеть в окно. Там под прохладным вечерним ветром тревожно размахивал верхушкой высокий клен, он с любопытством заглядывал в комнату, нес с собой прозрачные сумерки.

Пора было зажигать свет. Но жена писателя Нина уже укладывала дочку спать. Девочка капризничала, крутилась на постели, никак не могла уgomониться.

– Живот болит. Чем-то накормили. Может, рано еще ей сыр давать? – вслух рассуждала жена. – Ты сыр-то покупал – спрашивал, свежий или нет?

Писатель прошелся по ней еще не остывшим взглядом, возвращаясь откуда-то из других, далеких мест. Оpozнал, вспомнил; перевел на свой язык ее сообщение; сообразив, что нужно ответить, перевел обратно:

– Сказали: свежий. Ну так они и соврут – недорого возьмут.

Жена покачала головой.

– Надо укропу заварить.

В. отправился на кухню заваривать укроп, принес оттуда таблетку активированного угля и дал девочке. Она приглушенно захрустела таблеткой, перетирая ее недавно прорезавшимися зубками, а потом выплюнула черную слюну на воротничок рубашки и заплакала.

– Да-а, ночь будет беспокойная, – сказал В., глянув на часы. Уголь он вытер платком.

– Нам не привыкать, – зевнула жена, скидывая халат и натягивая коротенькую прозрачную ночнушку. Глядя на эти соблазны, В. нервно сглотнул:

– Да уж.

Через полчаса укроп сделал свое благое дело и, устав, девочка заснула, но все всхлипывала и тяжело вздыхала. Прикорнула и Нина. Она использовала для отдыха каждую свободную минуту – правильно делала. В. постоял в раздумье на середине комнаты, полюбовался на спящих. Какие же они у меня красивые, подумал писатель. Что большая, что маленькая. Обе маленькие. Девочки мои... Их сонное спокойное дыхание он слышал прекрасно. Как выяснилось за последние полтора года, это была лучшая музыка на свете.

В. опустил в кресло. Ему хотелось спать, но еще не слишком. Жаль было тратить время на сон, лучше попробовать продолжить рассказ. Подождя десять минут для верности, он встал и направился в свой угол, чтобы запустить компьютер.

Но вместо рассказа он вдруг вызвал из железной памяти компьютера свой дневник и гневно, словно кому-то что-то доказывая, стал тыкать пальцами в клавиатуру.

«Чем дальше идет время, тем большее желание возникает открыть ту единственную главную книгу, где написана вся правда, и прочитать ее, наконец. Но что это за книга и где мне ее взять?..

Сегодня окончательно сформулировал: мою жизнь можно смело назвать «Ожидание выходных». Внешняя, официальная работа мне неинтересна, и я живу нормальной жизнью лишь два дня в неделю, по выходным, да один месяц в году, когда отпуск. Я там чужой, и все знают, что я чужой. Уже не могу просто смотреть людям в глаза, словно в чем виноват. Чувствую себя, как Штирлиц в тылу врага. И они это видят и задают один и тот же безмолвный вопрос: «Какого лешего ты здесь делаешь?» Так имеет ли это смысл? И неужели я должен мечтать о пенсии? Ведь тогда я буду ни на что не годным стариком. Разве я живу на свете для того, чтобы заработать себе пенсию? Это невозможно! Но большинство людей живет именно для этого. Они тратят свою единственную жизнь, чтобы в старости получать мизерные гроши от скупого государства! Господи, как это нелепо. И еще нелепее: один из этих людей – я. Самое правильное, что следовало бы предпринять мне, озаренному этой простой и очевидной мыслью, – мгновенно уволиться с работы и заниматься своим настоящим делом, то есть литературой. А насчет пропитания не беспокоиться, как это и рекомендовал Христос. В конце концов, многие люди годами не получают денег и как-то живут, неужели я не смогу? Однако я прекрасно знаю: в понедельник проснусь по звонку будильника и побреду опять в свой цех, поднимать с колен падшую, словно девка, российскую экономику. Вот единственная светлая мысль, единственное оправдание, которое я придумал своему оскорбительно нелогичному поведению... А хуже всего, что и в богемной тусовке мне не место, не люблю я это, терпеть не могу. Недавно зашел на выставку одного художника. По стенам в умышленном беспорядке были там криво развешаны непонятные картины. Я не смог выяснить, что изображает хотя бы одна из них. Случайно познакомился с автором, разговорился, сказал, что вот, тоже пишу, только не кистью. Он пьяненький был, такой маленький, все рыженькими бровками моргал да тряс длинной оранжевой бородашкой. И минуты через две вдруг он мне говорит: не пиши прозу. Работай на заводе, делай там что-нибудь... Что ты там делаешь? Гайки точи, что ли. А прозу не пиши, не надо. Не зная ни одной моей строчки, просто так, взял и сказал. Посоветовал. Великий Художник, обороняющий бастион высокого искусства от варваров. На Олимпе тесновато, понятно, зачем нужны конкуренты? А может,

просто пожалел... Нет мне места, нет покоя, Господи! Только дома я еще как-то могу быть собой, а больше нигде.

Люблю утро – когда не нужно вставать в определенное время. Могу с удовольствием подняться в четыре часа и пойти встретить солнце, и чем меньше увижу людей, тем лучше. Город живет своей тайной жизнью. Туман ползает с улицы на улицу, такой густой, что легко заблудиться даже в знакомых местах, в нем вяло киснут фонари, и первые трамваи привидениями пролетают без единого звука, едва не сталкиваясь друг с другом на поворотах широкими плечами. Чугунные памятники вождям покидают свои постаменты, собираются командами на площадях и, обменявшись новостями и жадно перекурив, азартно играют в футбол огромными булыгами. В городских фонтанах деловито моются бомжи, похожие на пророков. Это одно из главных моих желаний – быть свободным, быть хозяином своего утра. «Хозяин утра» – неплохо звучит. Может, назову так рассказ. Главная же и настоящая причина моих бессмысленно-ранних побудок – семья. И это нормально. Иначе я не могу...»

На улице что-то зашумело, мерно и спокойно, потом этот звук превратился в легкий шелест, вовсе затих, и вскоре в доме послышался запах только что прошедшего дождя и прибитой им пыли.

Еще через полчаса, когда писатель только-только раскочегарил мозги, девочка снова проснулась и так закричала, что сразу стало ясно – дело серьезное. Пожалуй, придется вызывать врачей. Жена выразительно глянула на писателя, трусливо бегавшего из комнаты на кухню, а оттуда в ванную (он еще надеялся, что ребенок вот-вот успокоится и можно будет вернуться к рассказу или по крайней мере лечь спать), сказала непреклонно:

– Иди звони, – и поправила перекрутившуюся на бедрах ночную рубашку.

Телефона у них не было. Чтобы вызвать «Скорую», нужно бежать на улицу. Обеспокоить в такое время соседей В. не решился бы ни за что. Вернее – не хотелось унижаться, просить, умолять... Нина не постеснялась бы, на этот счет комплексы у нее давно и успешно были уничтожены, но просто пока ситуация, по ее мнению, еще не была слишком опасной.

В. неохотно выключил компьютер, поглядел на пустой экран и сказал:

– А может быть, все-таки...

– Иди звони, – повторила жена тоном выше. – Или я сама сейчас пойду.

– Ну подумаешь, живот болит, – сказал В., нервно подтаскивая кверху все время съезжавшие тренировочные штаны с растянувшейся резинкой. – Давай сделаем клизму. И не надо никуда ехать...

– Господи, когда ты уже будешь думать не только о себе и своем творчестве (слово «творчество» жена произнесла вразяжку, манерно закатив глаза к потолку и явно издеваясь), но и о ребенке? Ребенок мучается, а ему лень оторваться от своей писанины, на улицу выйти!

В. промолчал. Он разглядывал ярко-розовый рубец от подушки на правой щеке Нины. Рубец представлял собою почти правильное латинское «V», ветвями терявшееся где-то в густых черных волосах на виске. Словно какое-нибудь хозяйское тавро на боку коровы. Глаза ее спросонья были узкими, опухшими и злыми, вдобавок она шурила их от яркого света. «Наверняка у нее сейчас изо рта пахнет», – подумал писатель. Почему он именно так подумал в ту минуту, он и сам не знал. Почему он вообще думал об этом в то время, когда его должно было интересовать нечто совсем иное?.. Эта мысль проплыла по краю сознания и эфирно улетучилась.

– О себе уж я не говорю! Хожу в какой-то рвани из секонд-хенда, туфли не сегодня-завтра совсем развалятся, а других нет! Полтора года нигде не была, людей совсем не вижу! А ему лень на улицу выйти позвонить!!

В. снова промолчал. Но его тактика оказалась бесполезной.

– Посмотри, что у нас в ванной делается! – Жена заводилась все больше. То ли усталость от недосыпания сказалась, то ли еще что, но похоже, близилась настоящая, полноценная истерика. – Обои отстают, на стенах какая-то плесень! И когда ты начнешь клеить эту чертову плитку? Все только обещаешь!

– Я работаю, – неохотно сказал В. – Ты же прекрасно знаешь. У меня нет времени. Я тоже должен когда-нибудь отдыхать. И не кричи, люди спят.

– Людей ему жалко, а ребенок собственный пусть пропадает!

– Я работаю, – повторил В., – восемь часов в день. Не развлекаться туда хожу. Зарабатываю деньги, на которые мы живем. Это физически тяжело. А потом прихожу и начинаю помогать тебе. Варю кашу, мою посуду, стираю пеленки, выношу мусор, пылесосу... пылесосу... черт его дер! Этого вполне достаточно. Что ты еще от меня хочешь? Чего тебе надо?

– Мне ничего от тебя не надо! Я хочу, чтобы ты был отец, а не что попало! Ты думаешь, я тут бездельничаю, пока тебя нет? С ребенком сидеть труднее, чем на заводе работать! Ни одной минуты свободной, даже когда спит! Сам попробовал бы!

– Я делаю все, что нужно. Все, что могу. Между прочим, немногие из моих друзей так помогают женам. Вместо этого водочку попивают да по бабам шляются. Не ори, сейчас пойду и позвоню!

Девочка плакала все громче под аккомпанемент ссоры родителей. Наконец и они были уже готовы орать в голос и плакать, но В. успел сбежать из дома. Пробираясь по темным ночным переулкам к знакомому телефону-автомату, он шептал сквозь зубы:

– Ну, стерва! Завелась! О господи, нет мне места, нет покоя...

3

Ссорились они в основном по уже упоминавшимся пустякам. Пустяки эти, однако, имели удивительное свойство не терять своей актуальности. Каждый божий день они повторялись и возобновлялись, словно многоголовая гидра, у которой на месте одной отрубленной головы вырастают две новые. В. вспомнил недавнее мартовское происшествие, еще одну ссору, после которой так же бежал из дому.

Направлялся он в тот раз на заречный оптовый рынок. Он любил путешествовать туда, переходя реку по льду. Пересекать ее зимой по мосту казалось ему трусостью. А на рынке торговали дешевым пивом, дешевыми продуктами, там обитал туманный призрак свободы. За рекой была полудеревенская слободка, нравы там царили простые и незамысловатые. К тому же путь пролегал через живописные посадки, заваленные снегом, ослепительно сиявшим под мартовским солнцем.

...Кора наста расползлась по снегу потеками и так ярко белеет сквозь голые деревья, что кажется одним жирным, неровным куском сала, уложенным сверху на землю, как на бутерброд. Всюду лежат полузанесенные снегом трупы пластиковых бутылок из-под пива, павших в борьбе за чью-то радость...

Да и сама река, еле угадываемая подо льдом... Здесь, в центре города, вдруг открывалось свободное, ничем не стесненное пространство, где гоняли лыжники и сумасшедшие на скоростных японских снегоходах, подувал свежий острый ветерок, неутоптанный снег норовил набиться в ботинки, а поодаль то и дело торчали купола храмов и строящиеся новорусские особняки. Береговой лед уже просел, пошел разломными трещинами, над рекой время от времени раздавались непонятные тревожные звуки близящейся весны. Всюду была жизнь! В. шел сквозь это великолепие и думал, как маленький: вот провалюсь сейчас под лед!.. Вот унесет... Тогда посмотрим, как будешь без меня. Тогда увидим...

И в этот момент лед у него под ногами, рассаживаясь, рывкнул с оглушительным пушечным гулом, утробное эхо прокатилось над рекой и отразилось от бетонных быков

близкого моста. Огромная трещина метнулась куда-то вдаль, потерялась в снегу... Более ничего не произошло. Минуты две писатель стоял, ни жив ни мертв, творя благодарственные молитвы, а потом осторожно двинулся с места и поспешил на рынок, где вволю выпил пива и купил что-то из съестного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.